Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПАРТШКОЛЬСКИЙ МИРОК

ПОСВЯЩАЕТСЯ ВЫПУСКУ Ц.П.Ш. 3-го СОСТАВА.

Март. № 5

Минск. 1923 г.

Основатель школы
и наш почетный курсант
В. Кнорин.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПАРТШКОЛЬСКИЙ МИРОК.

Журнал Центральной Партийной Школы Белоруссии.

№ посвящается выпуску ЦПШ 3-го состава.

г. Минск. Март 1923 г. № 5.

От редакции.

Это последний „Партшкольский мирок".

В нем подведены итоги нашей работы и жизни в школе.

Им мы и прощаемся с „Партшколией".

Мы уносим с собой много знаний, новые навыки и огромное желание работать, работать и работать.

Но и оставляем мы целую жизнь, многогранную, яркую, полную работы и стремлений. Мы оставляем наши партшкольские дорогие нам, традиции.

После нас придут сюда новые партшкольцы, которые будут продолжать нашу работу.

Мы оставляем им родную Партшколу.

Пусть они чутко относятся к прошлому Партшколы и сохранят приобретенное нами. Не только сохранят, но расширят и углубят.

Пусть они продолжат строительство нашего Партшкольского Мирка,

ПРИВЕТ товарища КНОРИНА

Дорогие товарищи!

К большому сожалению для меня, не могу воспользоваться Вашим приглашением и побывать у Вас. Условия моей работы этого не допускают.

Шлю Вам всем мой горячий привет и желаю самых лучших успехов в Вашей практической работе.

Я чувствую всегда себя с Вами связанным. Долгие годы работы на Белоруссии сказались. Но особенно я связан с школой.

Кое кто может быть помнит, как мы начинали наше школьное строительство, как мы в 1919 г. переезжали из места на место, но все таки школы не распускали, как мы, читая, лекции прислушивались к гулу орудий.

А потом многие помнят, как у нас не было ни лекторов, ни книг, ни соответствующих помещений—все это теперь за спиною.

И меня радует, что о нашей школе дают отзывы не только те кто с нею все время жил вместе, но и посторонние наблюдатели.

С роспуском Вашего состава школы теряется моя непосредственная связь с школою —с Вами я не однократно встречался, и по этому хочу еще раз обратить Ваше внимание, еще разсказать—идите все на практическую работу, идите с молодою буйною душою и сериозной научной книгой.

В России работы непочатый край. Тьма кругом. Тьма в Ваших белорусских деревнях и на городских окраинах, недостаточная теоретическая подготовка партийных масс.

Но такая же темнота, если не большая и по всей Советской федерации, такой же недостаток подготовленных людей повсюду.

Вы будете на месте.

Но не останавливайтесь на достигнутом, не застревайте на том, что Вы достигли, не будьте слишком консервативны.

Молодежь должна всегда себя чувствовать свободно, молодежь должна перегореть, перекипеть, видеть виды, прежде чем успокоиться, зажить спокойно и засесть за одну работу.

В старину, особенно в Германии, всякий ремесленник окончивший свое учение отправлялся путешествовать, переживал свои Wanderjahre. И, мне кажется, что этот старый прием очень полезен и для нас, особенно для молодежи таких мещанских районов, как Белоруссия.

Не стать локал--патриотом, не застрять на одном месте, не забыть прекрасного земного шара, который должен стать красным, из за одного его уголка.

РСФСР—велика. Есть простор, есть поле и для Джек-Лондонских похождений и для американского изобретательства и предприимчивости, и для сериозной, усидчивой работы всякому.

Еще раз мои лучшие пожелания Всем Вам.

Жму крепко руку всем, всем.

Ваш В. Кнорин.

Москва, 12 марта 1923 г.

Связь между нами не будет потеряна.

Письмо тов. Кривицкого

Дорогие товарищи!

Год с небольшим тому назад мы приступили к работе. Многое было намечено сделать. Обо многом мечтали.

Теперь работа закончена. И мы подводим итоги.

Итоги трудно подвести. Ибо собственный рост замечается с трудом.

Итоги будут проверены в будущем, самой жизнью.

Но и теперь кое что можно сказать.

Сделано не все, что намечено.

Наша „смета" была урезана по некоторым параграфам. Но зато по другим параграфам удалось выйти за пределы „сметы".

Удалось выйти за пределы „сметы" благодаря широкой самодеятельности курсантов и энергии некоторых работников.

Курсанты принимали самое деятельное участие в строительстве школьной жизни. Они вместе с работниками создавали школу и поддерживали ее.

И эта работа в годовом дебете (приходе) курсантов должна занимать видное место.

Она дала им тоже не мало. Она должна быть поставлена на ряду с знаниями и навыками, приобретенными курсантами.

Задача, которая стоит теперь перед вами, дорогие товарищи, следующая:

Все что получено, приобретено вами в школе, должно быть широко использовано в вашей предстоящей общественной работе. Ничего не должно быть пропущено, все должно быть применено. Ни одной маленькой частицы приобретенного не должно быть потеряно для предстоящей работы.

Все приобретенное нами обладает чудесными свойствами. При расходе оно не уменьшается, а увеличивается. Оно уменьшается только от бездействия.

И это вам поможет в разрешении другой задачи, стоящей пред вами, задачи увеличения и углубления приобретенного.

И пусть тренаж, не удавшийся в школе, будет основным вашим рабочим принципом.

„Максимальный результат работы, при наименьшей трате сил"!

* * *

Через несколько дней вас не будет в школе.

Вы уйдете из нее. Вы приступите к работе.

Я уверен, что связь между нами не будет потеряна.

Во первых,—мы члены одного и того же великого коллектива Р. К. П.

Во вторых,—у нас будет и личная связь: встречи, переписка.

Прошедший год нас крепко связал друг с другом.

Будущие годы не разорвут эту связь.

До свидания, дорогие товарищи! Всего хорошего!

С Коммунистическим приветом

М. Кривицкий.

И. Ошерович.

ИДИТЕ, КОЛОНИЗИРУЙТЕ!

Надо стать колонизаторами своей страны.

Гастев.

Кто-то на с'езде советов бросил словечко: „на концессию надейся, но сам не плошай!“. В самом деле: наши американские дядюшки вроде Вандерлипов, что-то медлят. Им, конечно, не особенно-то приятно иметь дело с страной Р. К. П. Укварт даже обжегся.

Но, как быть? Россия велика и обильна. Она шестая часть земного шара. Она еще сыра, не обработана. Колонизаторы, концессионеры весьма нужны.

Думаю, что вы, партшкольцы должны стать настоящими колонизаторами нашей страны.

Помните, чему учил нас Ильич:

— „Если народ, который завоевал, культурнее народа побежденного, то он навязывает ему свою культуру, а если наоборот, то бывает так, что побежденный свою культуру навязывает завоевателю“.

В таком случае может случиться, что побежденный окажется завоевателем. Это, кажется, „диалектически“.

И не мало ли коммунистов даже из ответственнейших, в своей советской и хозяйственной работе подпали и под влияние чужой, так называемой, „спецовской“ культуры. И эти завоеватели оказались завоеванными.

Вы же, партшкольцы, прошли хорошую марксистскую школу. Вы хорошо „подкованы“ в теоретическом отношении. Идите на помощь нашим товарищам и выручайте их из „плена“ в который они попали— к своим побежденным.

Вы, партшкольцы, последние завоеватели:

Вы марксизм по выражению т. Ленина, „выстрадали“. Он вошел в вашу плоть и кровь и стал, так сказать, вашим инстинктом. Вы уже никогда и никем побеждены не будете.

Итак,—вы у нас новые, настоящие колонизаторы своей страны.

Идите в массы, подобно тому, как когда-то наши революционные предки „шли в народ“!

Будите „действенную“ страсть в народных массах.

Просвещайте умы!

Обрабатывайте мозги!

Гоните прочь „обломовщину“!

Знайте, что она последний наш враг. Надо ее совершенно уничтожить.

Побольше американизма!

Для этого не надо приглашать американцев.

Мы сами должны стать американцами. Мы еще превзойдем их.

Американцы не люди машины, но рабы машины. Не они властвуют над машиной, но машина над ними.

Мы же завоюем машину,—на то мы марксисты.

К американизму мы прибавим один плюс—марксизм.

Теоретический разум плюс практический разум.

Первый вы получили в школе, второй же вам дала и дает жизнь.

Соедините теорию с практикой, чтобы не было разлада между ними, в противном случае ваша теория ломанного гроша не стоит.

Идите в массы! Завоюйте их!

Будьте колонизаторами своей страны!

И. Вайнер.

Нужно правильное распределение.

Со времени XI партийного с'езда коммунистическое просвещение значительно развернулось. Значительно большие массы членов партии вовлечены в сеть школ политграмоты и кружков.

Тяга к ликвидации политнеграмотности в сильной степени наблюдается в широких слоях рабочих. Стихийный рост снизу разнообразнейших типов кружков, школ политграмоты—показательны в этом отношении.

От массовой агитации партия переходит к массовой пропаганде. И понятно, что теперь уже справиться теми небольшими силами не приходится и думать.

Переход к массовой пропаганде мыслится только при наличии минимума работников, имеющих достаточную подготовку и необходимый опыт в области работы в кружках и школах политграмоты.

Теперешний выпуск Ц.П.Ш. в известной степени удовлетворяет эту потребность.

Правда—если Ц. П. Ш. дала сравнительно большую теоретическую подготовку, то она в недостаточной мере практически подковала курсантов, и при работе в кружках взрослых рабочих это сильно скажется недостаточной способностью применить полученные знанья к вопросам текущей хозяйственной и государственной жизни страны.

Необходимо так же отметить некоторый налет самоуверенности, не всегда уместный, но который быстро, пожалуй исчезнет в процессе практической деятельности. Во всяком случае данный выпуск партшколы дает лучший материал и в области теоретической подготовки и в области возможностей целесообразного использования.

Основная цель-правильно использовать полученное, чтобы извлечь максимум пользы и в первую очередь важно выделить группу товарищей для педагогической деятельности в кружках, школах политграмоты, семилетках. Их необходимо практически подготовить в течении летнего времени для этой работы.

Подготовленный практически сносно педагог—коммунист по общественным наукам для партии является в настоящих условиях весьма большой ценностью.

И партия должна предложить Наркомпросу организовать летние педагогические курсы для практической подготовки группы в 18—20 товар. из более склонных к педагогической деятельности.

Не менее важной задачей перед партией стоит использование части выпуска для деревни. Деревне особенно важно дать практических работников в области советского строительства.

Хороший предволисполкома, честный, квалифицированный финансовый инспектор, кооператор, страховик, продинспектор в деревне имеет огромнейшее значение в деле укрепления влияния и руководства нашей партии во всех областях общественно-политической жизни крестьян.

И ту группу курсантов, которую можно дать деревне, необходимо передать на финансовые и другие специальные курсы с тем, чтобы осенью мы бы их могли вернуть

деревне в качестве хорошо и теоретически и практически подготовленных работников.

Группу комсомольцев нужно вернуть К. С. М. для партийно просветительной работы...

Часть курсантов необходимо вернуть в производство, особенно рабочую молодежь не имеющую производственной специальности.

Они должны научиться ремеслу, стать хорошими рабочими.

Самое важное—перед партией стоит теперь вопрос об использовании материала.

И этот вопрос должен более всего интересовать самых выпускаемых.

Но при обсуждении курсантам не следует увлекаться „прожектами" и „плантами", а необходимо учитывать реальную обстановку в условиях нэпа, не задаваться несбыточным, а приспособить к существующей обстановке свои расчеты.

Последний выпуск ЦПШ многое может дать.

Не следует закрывать глаза на ряд недостатков. Они имеются, их нужно учесть в дальнейшем при наборе осенью на новый курс, но в общем и целом нужно отметить, что данный выпуск может много дать партии при условии правильного использования каждого по склонностям и потребностям.

Л. Соскин.

НЕ активистский „домострой“, А кусочек опыта.

Практика союзной работы—лучшая школа воспитания активного работника.

Партийная школа дала вам марксистские знания, марксистский метод мышления. Но опыта союзной работы у вас недостаточно.

Уезжая из Белоруссии на союзную работу в другой край после занятий с вами по вопросам юношеского движения, хочу передать несколько мыслей—результат 4-х летней работы в союзе.

Активный и союзный работник не администратор, не управляющий аппаратом союзной работы. Это всякому из вас известно.

Как не хочется быть воспитателем, (хочется быть партийным работником), однако на данной стадии революционного развития в России воспитание партийцев—самая благодарная партийная работа.

Мы не учителя, мы—организаторы самодеятельности и классового воспитания молодежи. Активный работник—руководитель жизни рабочей и крестьянской молодежи, властитель ее дум, прекрасно знаком с ее доподлинным положением, прекрасно знает ее настроения, психологию, учитывает разносторонний поток влияний на нее.

Это—избитые фразы, однако до тех пор, пока не в'едятся они в мозг и сердце активиста, он еще не на высоте.

* * *

Чуткость—важное оружие для активиста. Быть чутким ко всем запросам, часто таящимся в душе молодого рабочего, очень туманно выраженным—крайне важно.

Вместе с тем—чуткость политическая. Уловить дух времени, задачу настоящего момента, общую линию работы, идею связывающую отдельные отрасли работы в одно цельное, гармоническое—вот трудная задача активного работника Союза.

Тут компасом служит верное, классовое чутье и марксистское критическое отношение ко всему окружающему; нужно ориентироваться в экономическом и политическом положении России, рабочего класса, данного края, отдельных групп его населения.

Зная положение легко сделать вывод о дальнейшей работе.

Зная положение организации, активист сумеет предупредить всякие недовольства, всякие уклоны.

Наш край дает богатую почву для неклассовых уклонов со стороны рабочей молодежи: обстановка мелко-буржуазная. Что такое уклон! Неправильная оценка какого-нибудь положения, неправильные выводы,—а в итоге процесс разрушения работы.

Поводом всегда является какая-либо мелочь, проклятая мелочь.

Активный работник должен быть выше всех членов союза. За ним следуют, его действия анализируют, ему ошибки масса не прощает, а потому: самокритика, само и взаимно—проверка, тактичность, ибо из нетактичностей, мелких хотя-бы, складывается неавторитетное положение, отсутствие уважения со стороны членов к активному работнику.

Не дипломатничать нужно, не заниматься политикантством—это вредно и в глазах массы членов рассматривается под микроскопом.

* * *

В то же время нужна твердая линия. Чуткость не исключает твердости.

Твердая линия в проведении решений, линия дисциплины по отношению ко всему и всем, отсутствие колебаний

из-за разных влияний, а уверенность в своей правоте (конечно при наличии анализа положения и отсутствии скоропалительности) даст возможность проводить работу.

Твердость, решительность в наших условиях и в организации молодежи важны еще и потому, что создают авторитет. А мы не стараемся корчить из себя богов, гениев, но авторитет нужен каждому активисту, а мямля, золотая середина, этого не может достигнуть.

* * *

Активист должен постоянно проявлять свою инициативу. Надо быть находчивым в трудных положениях, найти выход, надо находить постоянно новые формы и методы работы, проявлять изобретательность в улучшении аппарата работы, плана и системы работы. Иначе он таскается в хвосте союза, будет выполнять, то что выдвигается снизу.

А нужно быть в голове движения, проявляя богатую инициативу.

* * *

Активный работник должен быть в гуще союза. Необходимо работать в ячейке, в клубе.

Некоторые работают только в ячейке; клуб считают не своим делом. Иногда бывают, что нет работы в клубе. Но и тогда нужно в нем находиться: поговорить с ребятами, тут же в блокнот записать все нужное, дать совет кому либо из товарищей.

Ничего не делать, находясь в клубе, активному работнику преступно—лучше где нибудь засесть за книжку.

Там где, члены союза,—там и активист. На субботнике работать, в ЧОН являться. Об этом когда-то много говорили, сейчас молчат, но на занятиях ЧОНА редко найдете активиста: мол занят заседанием и т. д.

Нужно это резко отбросить; ибо если будет недовольство членов союза поведением активиста они будут правы.

* * *

То же самое можно сказать о бюрократизме.

На каждому шагу следует проверять — не засасывает ли тебя бюрократизм. Активист должен учиться.

* * *

Пессимизма не должно быть в работе. Постоянная бодрость и вера в успех. Это подтверждает опыт.

Нет работников. ничего—будут, не хватает средств—как нибудь, еще нажим, и они будут.

Разочаровываешься—бросай лучше работу.

Нужна основательность в работе. Верить в силы нужно.

Надо верить своим силам, но не переоценивать их. Идешь доклад читать—готовься к нему, пишешь статью—обдумай ее, решаешь что-нибудь—поступай обдуманно.

Вместе с тем нужна планомерность и аккуратность в работе. Иметь перед собою план работы и на месяц, и на неделю и на завтрашний день.

Надо помнить, что действовать наскоками, как в 19 году, сейчас вредно. Если работник будет понимать свою работу, ему легко будет работать по плану.

Блок-нот должен быть верным спутником активиста. Вся очередная работа должна быть отмечена в нем, вся проделанная также.

Блок-кнот—календарь активиста.

Нужно также помнить слова Ленина: «лучше медленнее, да лучше".

Обыкновенно бывает, что фантазия союзного работника хорошо работающая, отрывает его от учета реального положения. Создается что нибудь, потом оно лопнет.

Нельзя перескочить через настоящий момент, так как работа должна все время развиваться; если будет одно время устойчивое равновесие создастся психологический перелом и работа будет развиваться в отрицательном направлении. Поэтому,—не скакать, но уверенно и постоянно продвигаться вперед—задача настоящего момента.

* * *

Сказанное здесь не активистский „домострой" Это—учет опыта, обобщения разных моментов союзной практики (конечно, в моем суб'ективном отражении) и подумать об этом не помешает каждому новому активисту союза.

Л. Аксенцов.

О нашем самоуправлении.

Согласно положению ЦКРКП о губернских и уездных совпартшколах, наш курсантский аппарат должен быть такой:

1. Старосты групп или кружков, для обслуживания в группах технической стороны учебной части.

Административные старосты, которые должны руководить обслуживанием курсантов: назначать дежурства по кухне, по общежитию, следить за порядком в аудитории. Они же являются ответственными перед заведующим административно-хозяйственной частью школы.

2. Контрольно-хозяйственная комиссия должна состоять из 5 человек:—3 курсанта и 2 сотрудника школы. Ее задачи заключаются в том, что она наблюдает за удовлетворением нужд курсантов и работников и контролирует всю хозяйственную деятельность школы.

3. Санкомиссия (или сантройка). Сюда входят по одному представителю курсантов, служащих и комячейки.

В ее задачи входит наблюдение за санитарным состоянием общежития, кухни, столовой, и наблюдение за своевременным посещением курсантами бани и стирки белья, а также и теоретическое ознакомление курсантов с вопросами санитарии.

4. Конфликтная комиссия. Она создается президиумом школьного совета, для разрешения возможных конфликтов между курсантами и работниками школы и самыми курсантами.

Она составляется из представителя президиума школьного Совета, представителя сотрудников и одного курсанта выбранного общим собранием.

5. Культкомиссия. Избирается общим собранием курсантов и сотрудников школы.

На ней лежит ответственная задача: ведения культпросвет работы среди служащих и курсантов.

Она организует студии, кружки, экскурсии, посещение местных театров, непериодических лекций и т. д.

По возможности выпускает журнал, устную или письменную газету, также принимает участие в учебном руководстве, участвуя в работе учебной части, и работая под руководством зав. учебной частью.

* * *

Все эти к-ссии отчитываются и переизбираются каждые 2 м-ца перед общим собранием, которое также выделяет двух представителей в школьный Совет.

Как было у нас?

В первое время мы придерживались всех этих правил.

Избрали административных и учебных старост, избрали все комиссии, всех представителей и даже конфликтную, хотя она у нас и не имела абсолютно никакой работы.

Не то было с остальными комиссиями.

Технически аппарат школы был малочислен. Заведующий административно хоз. частью не опытен.

На долю наших комиссий выпало не только отклониться от положенных обязанностей, но также, взвалить на себя огромную хозяйственную работу в школе.

Главную тяжесть пришлось взять на себя мученикам из контрхоза.

Они отрывались от школьных занятий и занимались торговлей и распределением.

Немного меньше работы, но больше хлопот выпало на долю санкомиссии, особенно председателя, которому приходится иметь дело с комздравом, врачем, прачешной и баней, не говоря уже о внутреннем санитарном распорядке в общежитии, столовой и кухне.

Комиссия взаимопомощи брала отчисления от курсантов, помогала больным и улучшала питание слабых. Были попытки организовать починку белья и верхней одежды курсантов, но это не привилось.

А с организацией коллективного питания, комиссия взаимопомощи своих обязанностей окончательно лишилась.

С культурной комиссией совсем беды бы не было соответственно нашим условиям.

Наши культурные комиссии работали хорошо. Одно только скверно, что они не могли систематически вовлекать широкие слои курсантов в политпросвет-работу и не могли удержать организовавшиеся кружки.

Но здесь, пожалуй, винить придется об'ективные условия. Культпросвет. комиссия не имела связи с учебной частью, а это если не мешало работе культкомиссии, то во всяком случае не давала возможности изыскать другие, новые способы заполнения у курсантов свободного времени.

Сама жизнь внесла большие изменения в наш аппарат самоуправления. Выделенные по группам старосты являются одновременно и административными и учебными. Из старост групп всех школ составляется старостат, выделяющий бюро из 3-х человек.

Бюро проводит все постановления старостата через комиссии и непосредственно держит связь с администрацией учебной части, разрешает все мелкие практич. вопросы взаимоотношения курсантов и администрации.

Бюро не реже 1 раза в м-ц отчитывается перед старостатом, а, выделенный бюро председатель старостата, отчитывается перед общим собранием за работу старостата и к-ссии.

А теперь прожив год, в создавшихся условиях, можно сказать, что такая конструкция курсантского самоуправления очень удачна.

Нужно только устранить некоторые довольно резкие ненормальности, например то, что на долю курсантов выпадает слишком много мелкой технической работы. Нельзя использовывать так много дежурных, лучше контроль только одного, нельзя чтоб курсанты бегали за продуктами на склады, в прачешную, хлопотать о бане и т. д.

Но и не отказываться совсем от руководящей и практической работы. Это развивает самодеятельность и вносит разнообразие в учебу, а значит это полезно.

В. Хорунжая.

Еще БОЛЬШЕ внимания.

В последние дни в школе говорили о том, что мы стали не только образованными марксистами, но и научились жить по-новому, совершенно перевоспитались. Это достижение приписывали нашим воспитателям, лекторам, групповодам.

Это не верно.

Школа нас таки перековала, поставила в основу нашей жизни совершенно новые начала, но это сделалось помимо наших воспитателей, без малейшего участия с их стороны. Не было ни одного случая, когда бы вопрос нашей внутренней жизни, вопрос нашего воспитания решался учебной частью или каким нибудь партийным органом.

О лекторах и о лекциях, о групповодах, о пайках и о книгах говорилось очень много, и ни разу не говорилось о воспитании в нас новых лучших людей, о регулировании нашей личной жизни.

Наши педагоги, учителя, партийные работники руководили нами только до тех пор, пока мы сидели в аудиториях, на собраниях или лекциях. Как только мы уходили в общежитие, мы представлялись сами себе.

А ведь в общежитии проходит целая вторая половина жизни.

Все самое ценное и важное, что мы получили в партшколе помимо курсовых знаний — коллективизм, уменье применять полученные знания к практической работе, правильные, **совершенно товарищеские** отношения между девушками и парнями и т. п. — все это мы достигли сами — совершенно сами — при пассивной помощи, а часто даже при отрицательном отношении со стороны воспитателей. Так, когда мы решили уничтожить индивидуальные пайки и ввести коллектив, со стороны Ц. Б. мы встретили ряд опасений и недоверчивость.

— „А хоть бы хуже не было!"

— „Да привьется ли у вас коллектив?„

— „А не подождат бы еще полгода?" и т. п.

А за четыре-пять месяцев до конца занятий мы постановили наряду с теоретическими школьными занятиями, начать работать в комсомольских ячейках. Очень уж сильно чувствовалась необходимость практической работы.

Приступили уже к делу, как вдруг запротестовала учебная часть:

„Нич-чего подобного! Никаких ячеек! Вы должны учиться и больше ничего!"

Было вынесено оффициальное запрещение.

Так мы и работали почти до конца школы — нелегально.

А какую бурю вызвало учреждение у нас смешанных комнат! И хотя результаты-прекрасные результаты — на лицо, но, и учебная часть и парторганы и теперь, кажется, „принципиально" против этого,

Если во всех этих областях мы оказались правы и получили блестящие результаты, только благо-

даря самодеятельности и громадной энергии всего коллектива да еще, пожалуй, если можно так выразиться—коммунистическому чутью, то в других областях вышло не так благополучно.

Правильно распределять свое время между практической работой и занятиями, читать именно то, что нужно, сколько нужно, и как нужно, в общем и целом получить от школы максимум знаний—это уж мы без помощи и указаний со стороны-не смогли. Произошел целый ряд недоразумений. Одни читали слишком много и часто переутомлялись, а другие умудрялись за год учения не прочесть и пяти книг.

Одни получили нежелательный философский, абстрактный уклон, а другие не получили и трети того, что могли получить со своими способностями.

Были и такие, что целый год проработали в комиссиях и старостатах, а учебу видели только со стороны.

Но мы уже свой путь прошли. О нас, пожалуй, уже много говорить и не стоит.

Как бы то ни было, но мы от школы получили очень много,—это мнение всех поголовно курсантов.

Но это имеет громаднейшее значение для будущей школы, для наших преемников—будущих партшкольцев. Жизнь с каждым годом пред'являет все большие требования. И ясно, что будущая школа должна будет дать несравненно больше, чем наша. А потому и та область жизни, которая у нас не была охвачена воспитателями, должно будет быть об'ята.

Для того, чтоб школа действительно дала новых людей, о которых теперь столько говорят, надо чтоб школой еще больше затитересовались, ближе к ней подошли.

И если где нибудь и воспитывать новых людей, так это именно в партшколе и именно партшкольцев. Более благодарную почву едва ли найдешь!

Бернард Быховский.

РАССТРЕЛЯЕМ СЛЯКОТЬ!

С м и р н о!

ЦПШ стреляет семидесятью восьмью пулями, выпускает семьдесят восем зарядов.

Осечки не будет.

Семьдесят восемь пуль, вырвавшись из дула, что по ул. Карла Маркса 30, полетят со свистом молодого и молодеческого задора, пришпоренные 20-ю годами, понукаемые членским билетом РКП № такой-то.

Пролетят со свистом и рассыпятся по Наркоматам, укомам, волисполкомам.

Пронизывайте расхлябанность, расстреливайте человеческую слякоть, взрывайте невежество, уродуйте уродство.

Смир—но! ЦПШ стреляет!

* * *

Вы не для пыльных фолиантов. Не для вас спертый воздух кабинетов. Пусть кто ковыряется в Ассурназирпалах, копается в Эмпедоклах.

Вы перекапывать будете жизнь.

Идите, потрошить ее кабинеты без стен и крыш.

Изучать нужно жизнь, а не науки. И по книгам учась, **жизнь** изучайте **по** книгам.

Из жизни не идите в книги, а идите с книгами в жизнь.

Первое называется—смердящий академизм, второе—революционный марксизм.

* * *

Задача **теории** диалектического материализма—пролетарскую волю к борьбе, мозг насыщенный некоторым житейским опытом (кругозор) тренировать так, чтобы острота зрения увеличилась, чтобы розовый цвет не казался красным, чтобы на линии прежде казавшейся прямой уловить кривизну.

Наша теория—микроскоп, позволяющий рассмотреть накопленный опыт с увеличением в 10.000 раз, так, чтобы видеть сложную борьбу движения, разнообразие и жизнь там, где раньше казалась бесцветная, сплошная капля.

Наша теория—уточняет зрение.

И еще: научает понимать, что реальный мир отражался в сетчатке вверх ногами. И еще: расширяет индивидуальный опыт, дополняя его коллективным и методическим.

Кто, вместо того, чтобы яснее видеть жизнь, после марксистской школы ослеп к жизни—тот не марксист.

И, наконец, как ни уточняет теория понимание жизни, а жизнь все-таки сложнее и дальнейшее уточнение безгранично; мироощущение совершенно адэкватнее жизни—лишь идеал.

* * *

Размножайтесь!

Где бы вы ни были, с кем, и когда—сейте марксизм.

Оплодотворяйте научным мышлением каждую пядь земли, на которую вы ступите.

В работе, на отдыхе, в частной жизни, случайно,—рассыпайте семя диалектического материализма. Не доктринерски, не в диссертациях, не нормативно, а применительно к случаю, даже на мелочах обыденности,

незаметно пропитывайте все к вам прикасающееся каплями научного мышления.

Не бойтесь порой вульгаризации марксизма. Не всякого подбросишь одним махом на каланчу.

Давайте всякого подымать на 1, 2, 3 дюйма.

* * *

А больше всего выискивайте ростки нового быта, новых людей. Научитесь их разглядывать, разыскивать.

И в себе тоже—холите, любите черты от коммунистического мира.

Вы не сможете, да и не нужно, изучать какую либо науку, совершенствоваться в ней, заниматься по програме.

Специализируйтесь в работе.

Самообразование необходимо, чтобы быть на уровне современной вам жизни и мысли. Самообразование нужно чтобы мир вас не обогнал, оставив плестись или топтаться на месте, позади.

Новорожденной коммунистической интеллегенции нужно читать наши лучшие журналы: „Красную новь", „Коммунистическую революцию", „Молодую гвардию," скоро выйдет „Искра" (освещающая достижения естествознания и техники), „Пролетарскую революцию."

Читая газеты и журналы следите за библиографией. Откликайтесь, если в литературе трезвон о выдающейся новинке. Никогда не начинайте читать книги, не зная что это за книга и стоит ли ее читать.

Списывайтесь и сговаривайтесь с нами в случаях сомнения.

Никогда не изучайте того, к чему не влечет, что не интересно, не противьтесь влечению.

Учитесь писать и говорить.

Не выпускайте из под пера неотделанной ни одной строки.

Корреспондируйте в прессу.

Следите за своей повседневной речью. Обдумывайте свои публичные выступления.

Никогда не говорите красиво

Хорошо говорить—значить говорить правильно, четко, ясно и убедительно. Не забывайте о том, кому вы говорите.

* * *

Последнее слово об искусстве. Я не зову читать Пушкина и Достоевского и распевать Чайковского и Глинку.

Старое искусство (да, старое, ведь каждому из нас, сварившихся в революции по 100, 200 лет) может быть предметом исторического изучения и материалом для технического совершенствования в той или иной области искусства.

Но как искусство—оно нам чуждо.

Мастерские звуки, слова, краски—достигнут барабанной перепонки и остынут, ледяшкой повиснут, скользнут по сетчатке—и растают.

Мы—хозяева, диктаторы жизни, мы—самоутверждающийся класс и мы требуем от искусства быть нашим, служить нам, говорить нам, по нашему и о нас.

Это искусство—нарождающееся, может быть только имеющее народиться—не оставляйте в забвении: оно ваше—берите его.

* * *

Свинтиться. Туже подпоясать волю.

Аккуратно на все пуговицы застегнуть нервы. И со свеже-вычищеным мозгом под лозунгом:

„Да здравствуем мы и наше будущее!"—

—в добрый путь!

Несколько слов о наших НЕДОСТАТКАХ.

Товарищи партшкольцы!

Позвольте мне, товарищи, начать свои первые строки с оправдания.

Я очень виноват перед вами: за все время существования партшколы, я не принял участия в „Партшкольском мирке“.

Что служит моим оправданием? Очень трудно вложить в рамках статьи, когда тебе предлагают писать к близким товарищам, вместе с которыми живешь, растешь, развиваешься.

Да. Партшкола была колыбелью моей второй молодости, партийной молодости.

Я, как и вы, только начинаю зреть для партии. Мы только начинаем давать партии, после того большего, что мы от нее получили.

Партшкола явилась для нас общей теплицей, где мы росли, крепли, готовили наши силы для будущей работы и борьбы.

По воле судеб я оказался Вашим воспитателем. Я по мере сил старался выполнить ту великую задачу, которая была возложена на меня. Я одновременно был вашим воспитателем и вашим воспитанником.

Давайте на прощание скажем несколько слов по поводу наших общих недостатков, которые могут быть исправлены при желании и понимании их.

Главный наш недостаток—это **отсутствие экономии сил.**

Мы много сил тратили там, где ларчик просто открывался.

У нас был рационалистический уклон изучить новую действительность мертвыми формулами. Мы изучали законы истории, а сама история была у нас долгое время на задворках.

Мы не могли с достаточной решительностью распределить нашу мозговую деятельность.

Мы недостаточно боролись с умственной анархией.

Я несколько раз указывал вам на этот недостаток, который, признаться, не был чужд и мне.

Я был бы очень доволен, еслиб этот уклон испарился у вас, но опасаюсь, что следы еще остались.

Вы покидаете теперь стены школы. Вы начинаете марксистские знания, полученные там, претворять в жизнь.

А там,—там где кипит работа,—там анархия умственная может превратиться в анархию производственную. Плохое распределение мозговой энергии, может привести к плохому распределению вообще.

Вот что вы должны постоянно помнить.

Социализм—это учет. Учет ума, учет мысли, учет деятельности, учет работы.

Ваш групповод

А. Волобринский.

С. Каплан.

„Красная Смена“ партшкольцам.

Не буду лезть на крышу и кричать о достоинствах „Партшколии“. Взберусь-ка я на свою собственную колокольню и бухну в колокола своих интересов.

Помните, у Барбюса:—„С Востока свет“..

— Так и мы:—

„Из Партшколы помощь“.

Новые, свежие силы, начиненные знаниями мозги, - вклад Партшколы в активистскую „сокровищницу“ Комсомола.

Новые бойцы, уже недурно владеющие **пером**—могучим оружием пролетариата—становятся в ряды красноармейцев пролетарской печати.

Однако только некоторые идут сразу на передовые позиции—подавляющее большинство в глубоком тылу, в недрах пролетариата и крестьянства, будут говорить то же великое дело—дело перевоспитания рабочих и крестьянских масс, **дело воспитания рабоче-крестьянской молодежи.**

К вам, тыловики,

СЛОВО.

Вся та работа, которую поведете вы, должна найти себе отражение на страницах пролетарской печати.

Тем опытом, который вы получите в процессе работы—вы должны скорее делиться с вашими товарищами, давая им возможность учиться на ваших победах, учась самим на их ошибках.

Ваши таланты—(давайте не будем излишне скромничать, а скажем прямо—да, у многих из вас, они есть)—несите же их в массы, делитесь ими, не храните их впустую в извилинках мозга, пробуйте свои силы на страницах нашей газеты, дайте их на справедливый суд **десятитысячной** массы наших читателей.

Вот какое к вам слово. Ваша обязанность претворить его в

ДЕЛО

Ваша обязанность хоть раз в 2 недели, написав

заметку, статейку, письмо, рассказ, впечатление

вложить в конвертик с адресом:

Минск, Комсомольская 25
редакция „КРАСНОЙ СМЕНЫ“

и бросить в почтовый ящик.

Пусть, еженедельно, в каждом № нашей газеты, будет не менее 30 фамилий партшкольцев 3-го выпуска.

Мы хотим, чтобы в списке сотрудников литературного журнала, который мы в ближайшее время надеемся издавать, недаром стояли фамилии Козлова, Рашрей, Воронова, Миниович, Сидранской, Павловского.

Работая в нашей газете, пусть несут свои вклады в пролетарскую культуру пролетарские поэты, пролетарские журналисты, пролетарские писатели и публицисты.

Этого мы **хотим**,
Этого мы **добиваемся**,
Этого мы **достигнем**.

И. Ленский.

ВПЕРЕД без страха и сомнений!

Когда мы, „старики“ покидали стены царской школы, мы вырывались из нее, как узники из темницы.

Поповско-патриотический пресс тяжело давил наши души, но молодые сердца наши были полны альтруических чувств и жажды идеальных подвигов.

Мы вырывались из школьных застенков, чтобы начать творить прекрасную, идеальную жизнь.

Но нас одолевали тяжелые сомнения:

Осилим-ли?

Кто из нас среди ядовитых долин устоит на светлой горе, кто не удержится на вершине и безвозвратно утонет в болоте.

Прощаясь и расходясь по разным жизненным тропам, мы давали друг другу торжественные обещания-через 5, через 10 лет сойтись снова всем вместе, чтобы увидеть, во что претворились наши мечты, наши порывы.

И какое счастье, что эти торжественные условия никогда не исполнялись!

Сколько горестных разочарований пришлось бы пережить!

Сколько молодых, прекрасных казалось, душ увяло в тине, утонуло в иле безвременья!

Друзья, можете ли вы измерить всю глубину счастья, приуготованного вам новой жизнью, освободившей вас от наших сомнений, нашего скептицизма.

Вам приуготована школа, идущая не в разрез, а в униссон со всеми лучшими идеальными стремлениями молодости, школа не разлада и противоречия, а гармонии и слияния и практического творчества.

Какие же тут могут быть сомнения?

Какой скептицизм?..

Шагай лишь вперед прямой дорогой, на которой стоишь лицом к солнцу и перспективы которой видны на десятки лет ходу!

По всему земному шару протянулась эта дорога широким трактом, людным, бойкиим, международным гомоном полным.

А для неизбежных сумерек и зимних ночей вам дан и прекрасный компас в руки. Он не обманет, не продаст.

И компас этот называется:

М-а-р-к-с-и-с-т-с-к-а-я в-ы-у-ч-к-а.

Я видел этот компас в ваших руках, видел, как разбирали вы его винтики, как следили за его стрелками, как изучали его магнетические поля.

Вы этот компас изучили.

Вам, как молодым морякам, не хватает еще ловкости, быстроты обращения с инструментом—но моряком делаешься **только** на море, **только** в плавании, **только** в бурю и шторм.

Так-вперед, друзья, без страха и сомнений!

Смело навстречу буре, смело навстречу грядущему мировому шторму.

I.

В Апо Ц. Б. решили:

Школа должна быть открыта 1-го февраля. Принимать курсантов только с известной подготовкой. Расширить курс и продолжить. Под конец практические занятия.

II.

Новые курсанты

Пришли в школу. С любопытством оглядывали все и всех. Хотели, казалось, потрогать руками. Убедиться, познакомиться. Уж больно необычно.

При опросе разбегались слова и мысли в погоне друг за другом, недисциплинированные, невоспитанные...

Знали мало. Некоторые исподволь читали, но мысли авторов упорно прятались за слова книги и с трудом удавалось вывести их оттуда и рассмотреть.

III.

Начались занятия.

Нарочно подносили по чайной ложке, чтобы не испортить желудок необычной пищей.

Потом доза была увеличена.

IV.

Заработали кружки по Истнархозу, по политэкономии, по истории культуры.

С трудом, но удалось подобрать хороших кружководов.

Курсанты работали. Работали охотно, с увлечением. Слова и мысли становились дружелюбнее друг к другу, уже не бежали друг от друга.

Книга стала рассказывать о том, о чем она прежде молчала или рассказывала на непонятном языке. Язык книги становился понятным, родным. Она становилась другом курсанта.

Таких друзей, умных, чутких, интересных было собрано около восьми тысяч в школьной библиотеке (Теперь их насчитывается 9 тысяч.)

Они ждали курсантов.

V.

Работа в кружках шла хорошо,

Только по Истории культуры не ладилась. лектор не готовился, а сочинял. И „творчество“ его не нравилось курсантам. Кружковод мучился и называл предмет „Историей халтуры“, „История халтуры“ умерла несвоевременной смертью.

VI

Заработали курсантские организации.

Через них курсанты невидимыми нитями связывались со всей жизнью школы.Школа превращалась в организм, с многочисленными различными органами. Но каждый орган вел сознательную жизнь и со-

знательно связывался с другими органами.

Названия этих органов: старостат, контрохозкомиссия, культкомиссия, санкомиссия и др.

VII.

Но дух коллективизма не проник еще во все поры курсантской жизни.

Отпечаток индивидуализма носили многие явления обыденной жизни курсантов.

Особенно резко это проявлялось в индивидуальных пайках.

И индивидуальные пайки волей курсантов были уничтожены, паечные карточки отменены. Не стало, как говорит одна из курсанток: **моего** хлеба, **моего** обеда, а стал **наш** хлеб, **наш** обед.

Такова была воля курсантов к коллективизму.

VIII.

Коллективный стол был введен на даче, куда курсанты переехали для полуторамесячного летнего отдыха. Там они еще ближе подошли к другу. Там они физически окрепли.

Окрепли и снова захотели приняться за прерванную работу.

IX.

Школьная жизнь снова началась. Но курсанты уже были не те. Они уже приучились работать и мыслить. Можно было увеличить „нагрузки“.

И „нагрузка“ была увеличена.

Появились новые предметы „Истзап“ и „Истмат“.

Работы много. Времени мало.

Только 24 часа полагается на сутки.

Жалели, что нельзя занять у следующего дня.

X.

Материальное положение школы улучшилось. Нельзя сравнить с первым периодом школы, когда курсанты питались неважно.

Но хозяйственный аппарат школы был недостаточно крепок. И это не могло не отражаться на жизни школы.

Курсантам часто приходилось оказывать помощь слабому хоз‘аппарату школы.

Помощь самую разнообразную, вплоть до „фокуса“ превращения крупы в картошку.

XI.

Теоретический курс близится к концу. И курсанты приступили к практическим занятиям.

Заработали секции; партийная, деревенско-кооперативная, педагогическая и профессиональная.

День расписан чуть ли не по минутам.

Кроме того приходится вести большую работу вне школы: в ячейках, в школах. Десятки ячеек и школ охвачены работой курсантов.

Нужно взять на учет все время.

XII.

Нужно взять на учет все время.

Создается тренажная комиссия. Весь день расписывается „звонками“. По звонку ложатся спать, по звонку встают.

Но времени мало, очень мало.

Приходится нарушать „звонковые“ рубежи.

Тренаж проваливается. Слишком мало времени осталось. Если бы год еще... Курсанты говорят: „умер тренаж, да здравствует тренаж“.

От тренажа остались хорошие воспоминания и надписи в читальне.

В светлой, уютной, красивой читальне, созданной культкомиссией.

XIII.

Вдумываешься во всю историю школы и приходишь к несколько, как будто странным выводам.

Все сыграло большую роль, все принесло пользу курсантам.

Даже слабость административно-хозяйственного аппарата до последнего периода школы. Курсанты строили школу вместе с администрацией.

И от этого она роднее, ближе

Это их школа, в полном смысле слова.

Кроме того они приобретали организационные навыки.

С этого, пожалуй, нужно начинать школу. Нужно строить школу вместе с курсантами.

XIV.

В результате: больше 100 человек (русск. и еврейск. Ц. П. Ш.) с хорошо проработанным марксистским мировозрением, с возможностью углублять его и расширять даже без посторонней помощи.

Ибо они овладели книгой, приучились любить и понимать серьезную книгу.

Им сейчас не поднесешь непродуманную мысль, ибо они продумают.

Больше 100 человек, привыкших к коллективной жизни, воспитанных в духе коллективизма!

Их задача теперь не потерять то, что они приобрели в школе, а углубить и расширить. И применить к своей предстоящей работе.

Доказать, что не даром затрачено так много сил.

XV.

И партшкольцы это докажут.

М. Кривицкий.

ПОЭЗИЯ

И. Козлов.

МАРТ.

Утром,
Туманы молочные,
С земли в поднебесьи.
Снега грязные, сочные.
В дыму—чернолесье.
Холмы и крыши
Будто облизаны,
Навозными кучами
Поле унизано.
Тучи
В лохмотья источены,
Смотрит в дыры
Горшок позолоченный.
Лентой черной
Дорога вьется.
По ней, сверкая,
Журча, играя,
Миллььоном жилок
Вода несется.
Слушай, прохожий!
Ноги за вожжи
Крепче держи!
Эй, не зевай!
Подымай
Их повыше,
А то придется
Штаны
Повесить на крыше!
Старушка-Зима на попятный пятится.
Мочит слезами,
В тени все прячется,
Злится бессильно—
Ей близок конец:
Весна уж плетет
Свой зеленый венец.

Р. Сидранская.

ИСКРА НЕГАСНУЩАЯ.

I.

Небольшой фабричный городок.

Весенний вечер... Густые сумерки... Тишь...

Из неоформленно-темной дали улицы выступает пугливая тень. Торопливо шагает вперед. И незаметно сливается с сумраком, окутавшим небольшой молчаливый домик.

Шопот. Еле уловимое слово—и тень проваливается в раскрытую пасть дверей.

— —

Резко кольнул в глаза, привыкшие к полутьме, мерцающий огонек керосиновой лампочки.

Резко звонил в ушах громкий—громкий после вечерней уличной тиши—молодой говор.

Вошел—в тощей рванной бекешке,—остановился на минуту у двери; сощурил глаза, будто считает: все ли.

Град вопросов. Восторженные блестки глаз...

—Что вы, чего разгоготались,—заботливо машет на них руками старушка-хозяйка и ковыляет к окну.

Тщательно обдергивает опущенную занавеску.

Ворчит под нос.

— А плут вас знает, что за дела у вас такие! Вижу парни хорошие, не блудливые—работящие, ну, значит, и с богом! Что я, старая, понимаю в делах-то ваших!

Но ее не слушают. Забирается в темный уголок у печки, кряхтит, зевает,

— Ох-хо-хох! Святая Мария!

— —

Черрез минуту она уже дремлет. А „работящие“ парни уже все обсудили. О всех мелочах потолковали.

— Удастся!

II.

Утро—солнечное, бодрое, теплое, свежее. Радость пробуждающейся весенней жизни.

Все, что до сих пор было покрыто ледящим покровом, все, что спало, что было незаметно, затоптано в грязь,—

—даже травка, и та посмела вытянуться—сиротливо, трусливо, выглянуть—одним только зелененьким глазком меж камнями вымощенной площади.

Как же человеку,—живому, мыслящему человеку—молчать в такое утро?!

Откуда-то, из глубины глубин, подымается бурная волна энергии, желаний, силы и—ты готов сделать все, чтобы и самому было также свободно, так же жизненно, как и этой травке, как описываемому свежему утру.

— —

На площади кишит муравейник.

Те, кто постарше—собираются группами и оживленно гомонят. Более молодые не могут устоять, их красные и белые платочки, фуражки и шапочки носятся туда и сюда.

Движенья легки, жизнерадостны. Глаза полны задора.

Окрики... Смех... Шутки...

Мальчишки шмыгают меж ногами—пронюхали что-то необычайное.

Все и все рвется к действию, к делу—к славному, нужному, великому делу.

— —

Одинокие фигуры в мундирах, с блестящими на солнце побрякушками аксельбантов.

—Э—эй! Что тут за сборище! Пррроваливай, с-сволочь.

Смех, шутки, острая ругань в ответ.

Людские тела сдвигаются, сплачиваются в один мощный кулак.

Лица вздрагивают, напрягаются.

— Вставай, проклятьем заклейме-е-енный!...

Звуки льются—мощные, решительные, уверенные.

— —

Маячит зовуще красное, купается в воздухе сильной птицей, трепещет крыльями, рвется вверх под самое солнце. А солнце целует его тысячами своих лучей...

И хочется маячить вместе с красным, вместе трепетать, подняться ввысь...

— —

Змейкой взвилась в воздухе нагайка—не видали.

Взвизгнул и оборвался женский крик —«ай»!—не слышно.

Уши другое слышат, глаза не туда смотрят. В центр, к красному, к ручью словвот куда вниманье...

— —

Но на краю уже буря.

Нагайки—одна за другой—обвиваются вокруг тел, рвут платье, оставляют красные рубцы.

Вздрогнули... шквал прошел.

— Гуу-у-у-ууу...

Ярость,—ярость пойманного и избиваемого зверя.

Лишь мгновенная заминка, мгновенная работа тысячного мозга, огромного—во всю площадь—сердца.

— —

Но вот брошен первый камень. Сигнал?—и каменный дождь, через головы крайних падает на спине мундиры.

Толпа двинулась. Шагнула только один раз. Развернула свою пасть и, захватив в нее ненавистные мундиры с блестещими побрякушками, сомкнулась.

Гул беспрерывный в воздухе.

Что-то ужасное говорится. Что-то важное, большое—больше, чем шлепки нагаек.

Месть!

Месть!

Месть!

Месть за сегодняшнее! Месть за вчерашнее! Месть за все!

. . . .

Вдруг придушенный выстрел. Второй.

Толпа отпрянула назад.

—Что делать?

—Что делать?

Оружия! Дайте оружия,—кричат лица, кричат рвущиеся в бой сердца.

Но оружия нет.

Больше держаться невозможно. Уже одежда многих окрашена красным...

III.

—Вечером снова собрались.

Как и вчера, тускло посвечивает керосиновая лампочка, как и вчера старушка-хозяйка заботливо обдергивает занавески на окнах.

Но того—в бекешке—не ждут.

Сегодня он уже не придет, не сощурит по привычке, быстрых глаз, как-бы считая: все ли.

Его «забрали» там, на площади.

А в комнате обычное оживление, обрывистые фразы, планы, решения...

Но к огню в их глазах, в движениях, в речах прибавилось что-то новое.

Какая то новая искра еще ярче, еще сильнее, гневнее. Такие искры не гаснут.

Р. Ростовская.

— Завтра прокламации... шепнул мне на ухо „Борис" (так он тогда звался) и помчался дальше.

На секунду остановилась и не сразу сообразила в чем дело.

Зачем он мне об этом сказал?

Неужели нам дают такую серьезную, ответственную работу?...

Пока я размышляла, он уже был на другом конце улицы.

Бегом пускаюсь за ним.

— Так об'ясни толком...—В чем дело?.. Неужели нам...

— Да... Ничего больше тебе знать не надо...

И удрал.

Я даже на минуту обиделась. Как, мне поручают такое дело, и я не могу знать подробности?

Но спохватилась:—

— Ведь теперь не такое время, чтоб обо всем распространяться. Нужно будет, буду все знать.

Все же мысль о прокламациях весь день мне не давала покоя. Ночь тоже всю проворочалась.

Ведь не шутка же! Впервые мне поручают такую работу, самостоятельную и очень, конечно, рискованную...

До сих пор я выполняла всякие мелкие технические поручения по связи между отдельными ответственными работниками. Кроме того я работала и в комсомольском кружке.

Но разве все это можно сравнить с тем, что будет завтра?

Мысли несутся дальше одна за другой.

А с кем меня пошлют? Может быть и одну.—Это немного страшновато...

На какую улицу?

А что если поймают? Что скажут тогда?...

В голове весь день вертятся десятки вопросов, сомнений.

Скорей бы...

* * *

Вот и с таким нетерпением ожидаемое „завтра".

Утром мне сообщили время и место явки для получения прокламаций.

Весь день ужасно нетерпелива.

Вот уж и 6 часов—значит пора.

Чтоб принять более благообразный вид беру с собой потрепанный учебник физики.

Не иду, бегу!..

Но ведь нужно же вести себя хладнокровно, спокойно, чтоб не привлечь ничьего внимания.

Замедляю шаги.

Вот, кажется, я и у цели.

Припоминаю все приметы. Большой каменный дом на углу... Первая дверь—жестянник, вторая—какая то квартира, третья—вывеска с сапогом.

Значит здесь.

Но на двери большой замок...

— Может быть ошиблась, но ведь все-так, как мне сказали.

Возможно—еще рано.

Вооружилась последней каплей терпения—жду.

Холодно. Ветер пронизывает насквозь.

Чувствую, как краснеет нос; руки, ноги совсем окоченели.

Прохаживаюсь не-подалеку, поглядываю на замок—а он все висит.

Прошел час, больше,—я все жду.

Совсем продрогла.

Наконец является Борис.

Но я не решаюсь заговорить с ним—он не один: с ним совершенно незнакомая мне девушка.

Как-то недружелюбно поглядываю на нее. Она наоборот, приветливо улыбается мне—видно Борис предупредил ее.

Он сообщает, что это моя спутница на сегодняшний вечер.

* * *

Заходим в темный корридорчик.

Получаю пачку с несколькими десятками аккуратно сложенных в конверты прокламаций.

Уж совсем стемнело. Мы быстро шагаем по направлению к улице, где нужно „спустить“ конверты.

Беседуем, я становлюсь уже доверчивей к моей спутнице.

Улица совсем пустынная. Только изредка проскрыпят торопливые шаги прохожего, и замрут вдали.

Тревожно бьется сердце.

Скорей бы, скорей.

Сначало нерешительно, потом все смелее и смелее спускаем мы из под пальто конверт. Ветер торопливо подхватывает и отбрасывает далеко-далеко. И наши конвертики остаются одиноко лежать на снегу, пока утром их кто-нибудь подберет.

Вот уже осталось пять, четыре, три... последние два пустим вместе—и бегом домой.

* * *

На следующий день в школе ученицы рассказывают, что в городе найдены прокламации.

Одна подбегает и с гордостью вытаскивает точь-в точь такой же как и те полсотни, которых я вчера разбросала.

Вот я сама это нашла сегодня утром около нашего дома.—торжествующе об'являет она.

А мне только смешно. Ведь я сама их разбросала.

Страшный незнакомец.

Вечер.

Ярко пылает каминок, а вокруг расположилась наша семья.

Мать шила, отец читал какую то книжку по сельскому хозяйству, а мы дети смотрели картинки.

На дворе ревела буря и казалось хотела сорвать крышу.

Мороз рисовал узоры на маленьких окнах.

За стенами было так страшно, так холодно, а у камина так тепло и уютно, что не хотелось говорить. Мы все молчали, прислушиваясь к реву бури.

Вдруг стук в окно. Все вздрогнули и оживились. Прислушались. Никого. Успокоились, решив что это буря стучит за окном.

Стук повторился. Мы дети переглянулись и с'ежились.

Отец отложил в сторону книгу и подошел к окну. Несколько секунд он всматривался в темень. Вероятно заметив что-то, направился к выходу.

Мать перестала шить и поправляет огонь на каминке.

Я, напряженно прислушиваясь, смотрю на входную дверь. Мне страшно за отца:—не случилось бы там с ним, что нибудь? И кто может теперь притти? Я терялась в догадках и старалась представить себе самое страшное.

Вдруг молнией сверкнула мысль: „политический"—это было самое страшное, что я могла себе представить.

И в то-же время у меня перед глазами встал образ школьного батюшки когда он нам говорил:

— „Политические-это самые грешные на земле люди, лишенные небесного царствия, а кто осмелится дать им приют (они в то время часто проходили через нашу деревню) после смерти будут вечно мучиться в аду."

У меня волосы зашевелились на голове Бедный, бедный отец, он совсем погиб. Но вот и он. А за ним входит человек. Заиндивел, весь в снегу.

Я никогда не видела „политических" и в моем воображении они были чуть ли не о двух головах.

А этот был самый обыкновенный человек. На вид было трудно определить его возраст. Черная, большая борода, шапка надвинутая на глаза и больше ничего особенного. Отряхнул снег, поздоровался.

Отец попросил его раздеться, потом подошел к матери и что то тихо сказал.

Мать казалась попрежнему спокойной, но когда она подняла глаза от работы, я заметила в ее взоре тень беспокойства.

Я взглянула опять на незнакомца.

И—о ужас, он смотрит на меня. Его печальные глаза мягкие—ласковые, так не соответствовали всей его фигуре, что мне стало еще страшнее.

Я оглянулась: брата и сестренки уже не было. Они успели занять более безопасное место на печи.

Я быстро последовала за ними. И с высоты своего недоступного укрепления смотрела, что делалось в комнате.

Пока незнакомец грелся, мать приготовила ему поесть. А после ужина он

начал рассказывать очень много, но я ничего не понимала. Особенно часто повторялись слова: война и революция.

О войне я слышала, а слово, революция было совершенно новое непонятное. А потом страшный гость стал говорить о том, как он бежал из Сибири.

Я знала что в Сибирь ссылаются только разбойники, воры и политические.

И мне представилось, что этот страшный сегодня ночью перережет нас всех и кроме того еще отец скоро попадет в ад.

Уже ясно видела отца в кипящей смоле, как он лижет горячую сковороду и я готова была расплакаться. Вдруг взгляд мой остановился на лице отца. Глаза мои расширились от ужаса.... Он улыбался, слушая незнакомца.

А тот говорил все громче и громче. Наконец он сжав кулаки и подняв одну руку вверх прикнул:

„Долой самодержавие!"

Я не поняла этих слов. Но что-то неронятное говорило мне что так надо. Мать стоя у печки плакала, а отец все улыбался и казалось то же сейчас начнет так-же говорить.

А еще через несколько лет, когда я поняла о чем говорил страшный незнакомец, я стала его последовательницей.

Никифорович.

Б. Луцык.

Вясеньняя ноч.

Ночка вясеньняя, ціхая, цеплая,
Землю пад уладу узяла сваю,
Гукі яе, нібы весткі чароуныя,
Чарамі полняць зямельку усю.
Гай, бор за вескаю, рэчка шумлівая,
Ціха шапочуцца, ціха журчаць,
Толькі часамі плясьне штось ля берага,
Сьціхне, ізноу пачынае усе спаць.
Траука зяленая, сьвежая, мягкая,
Сьценкай ля берага пеина расьце,
Кветкі луговыя рознага коляра,
Байкі чароуныя кажуць вясьне.
Балкі і сьпевы чароуныя гэтыя
Носяцца ціха над вескай радной,
Носяцца гукі над гаем, над рэчкаю
Будзюць да жыцця усіх песьняй сваей.

ЗАПИСКИ
деревенского работника.

От редакции.

Головач—бывший партшколец. Окончил Уездную школу I-го состава.

Теперь он инструктор Борисовского Уездкома К. С. М. и частенько раз'езжает по деревням.

Работает парень.

Еще день—два—неделя, и многие из нас с сумочкой за плечами также будут отмеривать дорогу от каких-нибудь Вилятич к Лошницам.

Потому то и интересно для нас письмо Головача.

Приводим его почти целиком.

Ну до свидания, Нахамкин, прощайте товарищи!

Иду на двор. Темно, ничего не видно.

Только свищет ветер, рассыпающий холодные дождинки.

Темно.

Немного страшновато — место мало знакомое.

Я с мешком за плечами иду на станцию, чтобы ехать в неведомые мне доселе Лошницкую и Вилятичскую волости.

Станция.

До поезда еще 5 часов с минутами. Что делать?

В кармане среди массы бумажек нашел 500 тысяч.

Иду в буфет, — беру стакан чаю, пью медленно, чтобы скоротать время.

Чай выпит, а ждать еще долго.

Пассажиров мало

Сон так и лезет в глаза.

Вытянулся на скамье и всхрапнул.

Проснулся от грубых потряхиваний за ворот.

— Гражданин здесь нельзя лежать. Надо сидеть.

Предо мной усатый железнодорожник.

Встал и пошел к кассе.

Уже открыта. Купил билет и снова жду.

Наконец подкатил поезд.

Сажусь. Проходит еще 20 минут.

Бом, бом, бом...

Тронулся.

Станция Приямино. Я приехал!

Выхожу.

Ждать утра еще долго. Начинаю бегать по станции.

Рассвело. Надо идти в Лошницу.

Где она?

Иду к дежурному.

— Так и так мол; кудой в Лошницу попасть?

—А вот через Можанку.

Вышел и опять не знаю. Где же Можанка?

Увидал бабу,—шла за водой,—та и направила.

Вхожу в деревню. Предо мной Исполком. Окна выбиты. Стучусь в одну дверь—закрыто и никого. В другую—тоже.

Захожу в соседнюю хату.

Спрашивают кто и откуда. Отвечаю и сажусь.

Семья садится завтракать.

— Просим кушать—говорит хозяин.

Наконец иду в Исполком.

Открыт.

Вхожу и вижу парня. В папахе и Наган сбоку.

Дай, думаю, спрошу про комсомол. Ан и сам оказался комсомольцем.

Поговорили и решили собрать всех ребят в воскресенье, а так как до воскресенья 3 дня, то решил ехать в Вилятичи.

Беру наряд на подводу и иду к председателю сельсовета.

„Ну, брат, опоздал, лошади в поле"—говорит он.

До Вилятичи дорога прямая, 15 верст. К вечеру был там.

Переночевал, а утром пошел на хутор Рудню, где есть ячейка комсомола из 3-х человек (теперь из 6-ти).

Собрал.

Начали говорить.

— Плохо дело. Нет книг. Нет денег для выписки газет, нет где собираться.

Но кой как дело уладили. Решили ребята выписать газету, свою комсомольскую.

Пробыл с ним 2 дня а потом снова на своей парке в Лошницу.

Потолковали и там, а оттуда в Осовскую попал. Это из нее 5 человек на собрание не явились.

Узнал, что ячейки нет уже 2 месяца. Уехал секретарь и еще один парень, что были членами К. С. М., а кандидаты ушли из ячейки,—не захотели.

Ушел собрать. Ходил ко всем, говорил. Не хотят и баста.

Но на смену этой явилась новая ячейка. Начской прозывается.

8 человек.

Ребята все деревенские, молодые, желают работать. Выписали себе газет и еще хотят открыть читальню, да и откроют, найти бы только избу.

Пробыл там 6 дней и решил в город идти, продукты, вишь, вышли.

Спросил сколько верст до города и испугался.

Целых 30 оказалось:

А до станции Крупки всего 6 верст.

Пошел на станцию. Билет стоит 4 с лишним, а у меня и 3-х нет. Купил билет до первой станции, а там зайцем решил ехать.

Поезд. Почтовый. Тепло. Засел, разделся, лег и читаю книгу.

Под'езжаем к ст. Приямино. Вот и она. Проверка билетов, а у меня не спрашивают.

— Эге—! думаю! Не буду-ж одеваться и до Борисова.

Поехали дальше. Я лежу и читаю. Опять идут и билеты отнимают до Борисова. И опять мимо меня.

Вишь, думают, коли разделся—так далеко едет.

Под'ехали, а я свитку на плечи, да марш, марш.

Приехал в город, отчитался, а теперь снова в деревне.

П. Головач.

М. Кр.

Как я с ним встретился.

Кроме меня в купе находился еще один пассажир низенького роста, с небольшой остренькой бородкой. Он читал какую то книгу и делал на полях пометки.

Мне было скучно. Читать не хотелось.

Я обратился к моему спутнику.

— „Вам далеко?"

— „Нет, только до Тулы".

— „Вы там живете?"

Он оказался директором Тульского завода имени „Июльской Революции" (Революция во Франции в 1825 г.). Ездил в Москву с докладом в президиум В. С. Н. Х., предлагал организовать на заводе производство универсальных сельскохозяйственных машин инженера Павловского.

— „А кто этот Павловский?" Спросил я.

— „Павловский?... Я его хорошо знаю. Вот уже 17 лет".

— „Он уже и тогда был инженером?"

— „Ничего подобного. Он был тогда еще очень молод, немного старше моего. Учился в партшколе. Мы с ним там и встретились".

Меня это заинтересовало. Я вспомнил далекое, далекое время. Вспомнил работу в Партшколе.

— „В какой Партшколе?"

— „ В Минской"...

Я подскочил.

— „В. Ц. П. Ш.?" Бросил скороговоркой вопрос. Удивление растопырило губы моего собеседника.

— "Да, Ц. П. Ш."

Я всматривался в его лицо. Хотел уловить что нибудь знакомое, выхватить из далеких углов моей памяти, давно не просматриваемых.

Но там все осталось таким, каким было в 1922-23 году. Молодые лица, звонкие голоса, глаза, радостно и бодро принимающие раскрывающуюся жизнь.

— „Кто вы? Ваша фамилия?"

Удивление его не покидало. Оно растянуло его ответ:

— „Дво...рец...кий".

Моментально выступил из партшкольского уголка моей памяти подросток, почти мальчик, с нахлобученной шапкой, с хитрыми, по мальчишески глазами. И это сопоставление мальчика с человеком солидным, усатым, бородатым, настолько мне показалась невероятным, смешным, что я не удержался и стал хохотать прямо ему в лицо.

Долго, с затяжкой, со слезами.

Он обиделся, отошел в сторону. И упорно смотря на меня, сказал сердито:

— „Вы немножко рано впали в детство. Это можно было бы сделать лет через 30".

Его сердитый голос, его взгляд исподлобья живо напомнили мне прошлого Дворецкого.

— „Дворецкий, милый“. Я протянул ему руку.

— „ Про вас этого нельзя сказать“, отрезал он, все еще сердясь.

„Дворецкий, вы не узнаете Кривицкого?“

Он смутился. И нерешительно протянул мне руку.

— „Т. Кривицкий, не может быть“...

На него нахлынули, очевидно, партшкольские настроения. И он сказал тоном, каким он говорил в партшколе.

· „Простите т. Кривицкий, я не узнал вас, я не хотел обидеть. Вот факт!“

* * *

Мы долго сидели и говорили с ним.

Он все время смущался. Прежние настроения прорвались сквозь толстый слой пережитого в течение 17-ти лет.

Он работал вместе с Павловским на заводе.

Павловский был инженером. Он после рабтехникума, поступил на один завод в Москве, откуда и был командирован через несколько лет в В. Т. У.

Почти такой же путь проделал и Дворецкий, только у него вместо рабтехникума был фабзавуч.

Недавно Павловский был прислан для работы на заводе, где работал и Дворецкий.

У Дворецкого был уже „взрослый сын“, которому насчитывалось уже около 6-ти лет.

— „Скоро поступит в партию“, смеялся Дворецкий.

Поезд подходил к Туле. Дворецкий собирался выйти.

Мы дружески попрощались.

Я обещался зайти к нему, когда буду в Туле.

Перед самым уходом, вдруг он обратился ко мне.

— „ Я позабыл у вас спросить, т. Кривицкий. Есть одно неясное место в последней работе Прокопчика „Идеология и экономика социалистического общества“.

Что такое ПАРТШКОЛИЯ.

(научно-популярный очерк)

От редакции.

Редакция „Партшкольского Мирка“ обратилась через своего лектора по естествознанию тов. Новогрудского, находящегося на научно исследовательной работе в Москве, к знаменитому популярно-научному писателю Н. Е. Рубакину с просьбой написать кое-что о Партшколии для „Партшкольского мирка“.

Рубакин охотно отозвался на эту просьбу и вернувшийся на днях из Москвы тов. Новогрудский привез нам два рассказа Рубакина: „Как, где и почему появились первые партшкольцы на земле“, где он подробно описывает, как из давно вымершей породы „ихтиозавр“ представлявшей из себя полуграмотного, полу-красноармейца, полу-индивидуалиста, полу-коммуниста, развился современный партшколец.

Это замечательное произведение по техническим соображениям не могло быть нами целиком напечатано и использовано, как материал, в истории партшколы.

Второе произведение: „Рассказы о великих и грозных явлениях в Партшколии“ представляющее собой научно-популярную географическую экскурсию в Партшколию предлагается вниманию читателей „Партшкольского мирка“

I.

Географическое положение Партшколии.

Замечательная страна, Партшколия, о которой я вам собираюсь рассказать, находится на юговостоке от ЦБКПБ и на северозападе от ЦККСМБ.

О ее местоположении можно узнать с точностью и достоверностью, так как многочисленные путешественники из Главполитпросвета и Апо оставили нам целый ряд документов и подробное географическое описание местности. Она находится по подгорной долготе и фонорабтехникумской широте и расположена по меридиану от Захарьевской 135 до Комсомольской 25.

Первым путешественником в эту страну, который назвал ее „Совпартшколией“, был знаменитый путешественник, совершавший неоднократно „хождения по мукам“, Главполитпросвет.

Последний, однако, трагический погиб от жажды (что-нибудь сделать) за отсутствием средств и поддержки как из центра, так со стороны туземного населения.

Перед самой своей смертью этот путешественник своей кровью написал документ, с подробным описанием местности, закупорил в бутылку и тут же погиб.

Нашедший эту бутылку второй путешественник—Комхоз прислал ее в Апо. Апо снарядило туда шефскую экспедицию и Партшколия была снова открыта.

Поэтому нужно считать, что именно Апо принадлежит слава этого величайшего открытия.

Летом в Партшколии бывает очень жарко, поэтому жители Партшколии переселяются на лето в более тенистые места. Зимой бывает очень холодно, так как топят сырыми дровами. Поэтому поводу партшкольцы со старостатом во главе постоянно волнуются, кричат, разоряются, так что климат в Партшколии можно считать резко-сантиментальным.

Возвышенностей в Партшколии нет, хотя поверхность нельзя считать ровной, так как уборка не идеальная.

В Партшколии имеется и низменность, носящая название „Подвал", что на русском языке означает: находиться под страхом быть затопленным волной. Такое наводнение имело место в апреле—мае 1922 года, которое произвело громадные опустошения в Партшколии.

Эта низменность большей частью населена семьями.

II.

Какие бывают ветры в Партшколии.

Ветры в Партшколии бывают теплые и холодные, периодические и постоянные.

К постоянным ветрам нужно отнести „пассивные" ветры, которые как и пассаты дуют в продолжение целого года, с особенной силой действуют во время лекций, особенно по понедельникам.

Действие ветра обнаруживается в том, что у Партшкольцев глаза становятся мутными, веки тяжелыми и более слабовольные жители Партшколии даже засыпают.

Остальные ветры дважды меняли свои направления, на что указывают все путешественники. Раньше они дули днем с общежития в аудиторию, а вечером из аудитории в общежитие.

Но со введением коллективного питания они изменили свое направление и начали дуть с общежития в столовую и обратно, поэтому днем в столовой бывает очень жарко, а ночью холодно.

Из теплых ветров особенный интерес представляют ветры „Истмата" или „диалектические ветры" и ветры „спайки".

Ветры Истмата начали дуть с августа месяца 1922 г. и беспрерывно продолжались в течение восьми месяцев. Эти ветры исходили одновременно из подвала, из комнаты № 3, где живет партшколец В. и сверху из ком. № 13—тов. М.

Когда приближается „Истмат", партшкольское небо становится мутным...

„Истзап" становится полным всяких противоречий... Все количества переходят в качества...

«Истрев» поднимает ужасный рев.

Птицы, в особенности Чижи, Соловьи и Вороны предчувствуя беду, порхают туда и назад...

Партшкольцы начинают лепетать всякую ерунду и задыхаются от жажды,—которую никак не могут утолить особые минеральные, целебные воды партшколии—**групповоды**...

От этих ветров окончательно погибло несколько теоретиков.

Ветры „спайки" тоже теплые ветры, которых партшкольцы очень любили, а потом начали избегать.

Среди диких племен Партшколии установился обычай, когда начинают дуть эти ветры принести богу „спайки" какого-нибудь партшкольца в жертву.

Его брали на общий суд и разбирали по косточкам. Один из путешественников Апо однажды спас от несомненной гибели одну такую несчастную жертву, но это стоило ему большого потока слов и два собрания...

К холодным ветрам относятся — идущий с запада ветер „Истзап“ и с востока „Истрев“, появление которого сопровождалось огромным резом.

Но эти ветры так и остались холодными для Партшколии.

Холодным ветром является и скоропостижно погибший ветер „тренаж“. Особенность этого ветра состояло в том, что он хотя и укладывал курсантов спать в 12 часов, но никак не мог их разбудить к восьми...

III.

Смерчи.

Есть такие ветры, которые крутятся столбом и принимают характер длинной очереди. Начало такой очереди—окно корридора, а конец ее у двери столовой.

У окна эта очередь очень тонкая, но ближе к двери становится толще и толще и похожа на воронку.

Такие ветры называются **смерчами**. Иногда появляются одновременно несколько смерчей в канцелярии, когда выдают партшкольцам жалованье.

Сила у **смерчей** страшная. Рассказывают об одном смерче, что он однажды налетел на молодого партшкольца лет семнадцати, поднял его с земли, а затем бросил головой вниз на пол.

Бедняга чуть не умер.

Горе тому партшкольцу, который захотел бы попасть в столовую вне очереди.

IV.

Какие бывают видения. «Идеальная Партшколия».

Недавно, проходя по Захарьевской улице путешественники—материалисты заметили странное видение.

Они увидели Партшколию, точную копию Партшколии, ее население, увидели группы партшкольцев, об'единения жителей комнат и т. д.

Будучи материалистами и зная, что партшкольцы находятся на Подгорной улице, они с удивлением остановились перед этим странным видением по Захарьевской чуть, было не поколебался их материализм, как вдруг они вспомнили, что **воздух отражает как в зеркале**, и что такие отражения, видения называются **миражами**.

„Идеальная“ Партшколия на Захарьевской должна быть отражением такой же материальной Партшколии на Подгорной.

Рассказывают про бывшего завшколой тов. Мосевича, (которому партшкольцы здорово надоедали, и поэтому он миновал постоянно Подгорную улицу) и однажды проходя по Захарьевской и заметив это удивительное видение „Идеальную Партшколу“ бросился бежать и только убедившись, что за ним никто не гонится он остановил свой поспешный шаг.

Догадки материалистов путешественников оправдались. Эта „Идеальная“ Партшколия, есть не более и не менее, как фотографии партшкольцев по группам, и по комнатам на витрине в фотографии „Идеал“ по Захарьевской улице, куда курсанты являлись, лишь только получали жалованье.

Такие бывают удивительные видения в Партшколии.

Н. Е. Рубакин.

ГОД ТОМУ НАЗАД.

М. Двоскина.

Как я попала в Партшколу.

Проработав 2 года в Красной Армии, к концу 21 г. я почувствовала, что работать больше становится все труднее и труднее.

В это время буйно расцветал НЭП, а Красная Армия стала переходить от войны к „учебе“.

Красноармейцы уже больше не удовлетворяются поверхностными раз'яснениями, а требуют конкретные факты.

И здесь то я почувствовала, что без теоретического багажа я бессильна.

—„Нужно учиться решила я—Иначе работать нельзя“. И пошла к Начполитотделу.

Рассказываю, как трудно мне работать совершенно не имея знаний, как выросли наши красноармейцы и как много надо знать, чтобы теперь быть политработником.

—«Мне надо учиться», заявляю я.

Начподив молча меня слушал, потом встал, несколько раз прошелся по комнате. Говорит: „тов. Двоскина кто знает больше Вас? Мы все одинаково ничего не знаем. Вы хотите учиться и мне учиться необходимо“.

Я начинаю опять горячо доказывать, что для политработы нужна большая подготовка.

И после двухчасовой беседы, Начподив сдался.

Но мой непосредственный Начальник запротествовал и наотрез отказался меня отпустить.

„Нет кем заменить и баста“!

Я знала, что если теперь не уеду, то мне придется еще долго работать! А учиться так сильно хотелось.

Что же тут делать?

Я решила на несколько дней поехать в Минск и там попытать свое счастье?

И мне повезло.

Но, конечно после долгих усилий.

Первый, к кому я обратилась это был тов. Кривицкий. Он тогда работал в агитпропе Ц. Б.

Я ему все рассказала, прошу мне помочь.

Он меня внимательно выслушал и говорит. „Я ничего сделать не могу. Вы человек военный и все зависит от вашего военкома“.

Вижу я, дело плохо.—Думаю, куда мне обратиться.

Решила пойти в Главполитпросвет.

Отыскала зав. партшкольским столом и опять рассказываю ему все: что мне необходимо учиться, что я долго работаю в Армии и т. д. и т. д. И... о счастье он дает мне отношение в мой Подив, что Главполитпросвет просит откомандировать меня учиться в Центральную Партийную Школу.

Моей радости не было границ.

Я бережно спрятала драгоценное отношение и все смотрела цело ли оно. Мне все думалось, что кто-то отнимет его у меня, или что я его потеряла.

Приехала в Подив и иду прямо к Начподиву, а не к своему начальнику, боюсь чтоб он и теперь не сказал то же самое.

И Начподив наложил резолюцию: „Отпустить".

Целый день я была как сумасшедшая и не могла ни за что взяться. „Наконец то я буду учиться".

И вот наступает долгожданный день.

23 января еду в Минск, 25 я уже в школе.

Как все для меня ново! Шум, крики, знакомятся друг с другом, спорят об экзаменах, о предметах.

А особенно выделяется „Бобруйская фракция".

Первые два дня я себя чувствовала, как говорят „не в своей тарелке".

Я привыкла быть всегда серьезной, дисциплинированной, как и полагается в Красной Армии. А здесь, мне казалось, что к такому серьезному делу относятся, не так как нужно. „Как можно шалить, когда приехали заниматься?".

Но через несколько дней я и сама стала такая же. В этой резвой, шумливой толпе и сама не могла удержаться, чтоб не пошалить.

28-го собираемся в комнате № 14 для проверки знаний. Все вдруг стали, серьезными, зубрят „вопросы и ответы" Богданова и еще какие то книжки.

Впервые я слышу такие фразы как производственные отношения, стоимость, постоянный и переменный капитал и много, много другого. Как все это ново и совершенно непонятно.

Тогда я еще раз убедилась, как я была права, что поехала учиться.

М. Снытко.

Первые дни.

В школу я прибыл из Красной Армии. Как человек воспитанный в духе военной дисциплины, первым долгом отправился с документами к „начальнику школы" (так было указано в документах)

После долгих поисков я, наконец, нашел „начальника". А тот, к большому моему удивлению, как я узнал потом, и не был начальником, а только просто заведующим школой.

Перед тем, как постучать в дверь кабинета „начальника" я торопливо оправляю шинель и пояс, и, на голос— „Войдите,"— как бомба влетаю в комнату. Руку под козырек и рапортую:

—„Товарищ начальник, прибыл в ваше распоряжение".

— Заведующий вскакивает и, почему-то торопливо шарит в карманах.

„Х-х-хорошо то-то-варищ оп-опустите руку во-во-льно, (почему же он так смутился-не понимаю я).

Видете товарищ, об'ясняет он мне— „у нас здесь не по военному."

Он посмотрел мои документы и отправил меня в канцелярию, с резолюцией: „зачислить на довольствие".

В школу приехал я чуть ли не первый.

Аккуратно, как это присуще военным людям.

Курсанты с'езжались очень медленно.

С первых же дней жизнь в щколе мне показалась очень приветливой и я был очень доволен своим положением.

Все партшкольское было несравнимо с той казарменной обстановкой в которой я до сих пор жил. Разбитые, окна, холод, темень, грязь, голые нары все это, если оглянуться назад, было ужасно.

Первое время я жил в комнате один и меня никто не беспокоил.

Но, по мере того, как курсанты стали с'езжаться меня стали беспокоить все чаще.

Каждый стремился занять комнату поуютнее и дверь моей комнаты то и дело открывалась.

Меня посещали люди различных типов и солидные и не солидные.

Приходили даже вооруженные револьверами и обтянутые портупеями.

Были даже такие, что выглядели куда солиднее моего командира команды и военкома.

При каждом стуке в дверь я готов был брать под козырек и отдавать рапорт: —„Все в порядке тов. командир".

Я все забывал, что я в школе, а не в Красной армии.

Такое беспокойство длилось чуть ли не две недели.

Но вот в один прекрасный день вошел в комнату уверенно и быстро еще одинь парень и привел меня в трепет своим грозным видом.

На нем был какой то допотопный бекеш и самое главное—это висевшие за поясом сзади с пол аршина длиною огромный револьвер. Это был Максимка Романчук.

Вечером мой новый сожитель вскипятил чай, и после недолгих колебаний пригласил пить чай и меня.

За чаем мы долго угощали друг друга. Мой товарищ то и дело подливает мне чаю и кладет, не жалея сахарину, а я его угощаю привезенными с собою селедками.

Здесь он ознакомился кратенько с моей биографией и меня ознакомил со своей.

С этого вечера мы зажили с ним на славу.

Первое—он меня стал поучать, как поменьше вскакивать при стуке в дверь нашей комнаты. Я конечно, это скоро усвоил.

Но все же я вскочил, вытянулся еще раз, когда в комнату вошел наш теперешний хозяйственник Аточкин.

Потом поселился и Напорко и штат нашей комнаты был заполнен.

Жизнь потекла лучше прежнего. Но вот однажды в комнату вбегает, как кипятком ошпаренный один из курсантов и, крикнув во все горло „зачеты", исчез.

Я не понял значения этого слова, но мне почему то стало так страшно, что у меня забегали по спине мурашки.

Я стоял, как оторопелый, пока мой новый друг не обратил на меня внимания.

— Что с тобой случилось заботливо спрашивает он меня.

— Что это такое за слово „зачеты"?

Он об'ясняет, что это в роде бывших экзаменов.

И мне все вдруг стало ясно.

Я попросил принести мне программу зачетов, а познакомившись с нею, мне стало еще яснее, что скоро будет конец веселой моей жизни.

Я увидел, что человеку, приехавшему из Красной Армии без всякой подготовки никак нельзя сдать зачеты и по половине предметов из программы.

И я упал духом.

А Максимка меня убеждает, что мы зачеты сдадим, что он и сам ни черта не знает, но уверен, что в школу попадет.

На другой день были зачеты, а через неделю я узнал, что я принят и это вознесло меня на десятое небо, на котором я остался и до сих пор.

Х. Брум.

ЭКЗАМЕНЫ.

Только что приехали в партшколу. Вхожу в 18-ую комнату, тогда еще чистую, светлую, теперь уже значительно постаревшую.

Все так интересно и незнакомо. По сторонам расставлены кровати; на одной из них сидит какая-то бледная девушка, как потом оказалось—Роза Клебанова, а на другой Малка Израилевич. (Она раньше меня уехала из Бобруйска).

— „Ну как с экзаменами? Трудно?

— „Нет, очень легко.“

Жду. Сердце сильно бьется: вот провалюсь, стыдно будет, и придется ехать обратно домой. Ах, лучше и не думать об этом!—

Малка считалась у нас самой знающей, и я к ней то и дело обращалась с вопросами.

— Малка, а Малка, скажи, что такое переменный капитал?

— Ай, сама не знаю! Ну чего ты так волнуешься? Все равно этого не спрашивают.

Наконец дождались.

Экзамены. Собрались в комнате № 14, расселись по сторонам.

Вот Кривицкий так важно восседает, затем Лурье и другие.

Вызывают одного очень высокого парня (в настоящем—Журок).

«О,—я думаю—этот, вероятно, очень хорошо знает“...

— Скажите, пожалуйста что такое экспедиция?

— «Это, я думаю.... будет путешествие».

— «Да!—отвечает Кривицкий,—значит,—экспедиция газет, есть их путешествие так—да?....

В это время я себе представляю:—вдруг он спросит меня, и я тоже не смогу ответить!!!.

И я тотчас же обращаюсь к стоявшей у печки Малки, „—Малка! скажи, скорее, правильно ли он ответил?“. «Кажется, что правильно. Не знаю».—

А Кривицкий продолжает мучить бедного Журка.

„Значит, не знаете. Ну.... хорошо-с. хватит.... спасибо.... можете сесть“.

Тов. Брум, это вы из Бобруйска? (А Бобруйская фракция уже успела проявить себя).

— „Где вы работали?

— „В больнице“....—

— „Ага, ну вот, напишите кривую измерения температуры. Знаете?“—рисует сам—«вот—39% затем падает 38%—37%, затем поднимается до 40% так?»—

Я думаю:—„Что это он у меня спрашивает?“

Температура, больные, кривая,—неужели он думает открыть здесь больницу и меня опять пошлют туда работать? Нет, нет, не может-быть здесь ведь партшкола!... «Ну с—хорошо! А что вы читали»?

Я быстро очнулась от налетевших мыслей и отвечаю.—„Заработная плата“.

«А какая плата выгоднее рабочему сдельная или повременная?“

«Конечно, сдельная» отвечаю я—«потому что рабочие получают здесь больше денег. Они больше работают, но зато больше получают.

«Ну хватит»... Благодарю вас, можете сесть....

Летние картинки.

И. Павловский.

Под лучом прожектора.

Весна.

Май.

Партшкольцам за зиму надоели душный воздух и твердые скамейки.

Довольно, согнувши спину, сидеть по ночам за книгой. Даешь сад, свежий воздух и мягкую травку под сенью деревьев!

Вечер. Ребята в саду.

Со всех концов раздаются веселые песни на все мотивы и голоса, безпрерывный смех и шутки.

Разшевеливаются мускулы на турнике.

Хорошо в садике; миллионы душистых цветов яблонь и груш.

Темнеет—становится еще красивее, еще лучше.

Темные с белыми пятнами стоят тихо покачиваясь деревья.

В стороне высокие стены дома с десятками глаз, которые постепенно потухают.

Темно и тихо. Лишь блестят звезды.

Изредка залепечут деревья верхушками.

По временам пролетает с шумом ночная птица или летучая мышь.

Где то в траве застрекочет кузнечик и опять темень и тишина.

Вдруг яркий луч прожектора вытянулся из крайнего окна второго этажа.

Выглянули и начали серебриться верхушки деревьев. А луч уже рыскает в глуби сада.

Бегают лучи по верхушкам деревьев, потом падают на ветки, пробираются по стволам ниже, на землю.

Мечутся по замечтавшимся, по радостным лицам и исчезают. Вздрогнули те, кто под деревом. Откуда это? „Ах да! Это Петька! Проверку ночную делает—все ли в порядке“.

Сверху несется веселый хохот.

Но прожектор уже далеко.

Режет привыкшие к темноте глаза, румянит свежие щеки, змей-

кой прорывается сквозь густую листву.

Под осень. Август.

На деревьях вместо цветов уже спелые яблоки.

Тихо. Вдруг что то зашуршало.

В крайнем окне шопот: „Ванька включай дугу“,

Вдруг резкий, яркий свет прорезал тьму, скользнул по верхушкам заалел на крупных. спелых яблоках и задержался.

Что-то черное метнулось между ветками. Пригнулось.

Будто неуверенно дрогнул луч и в мгновение превратился в ослепительно светлый сноп.

Посыпались яблоки из-за пазухи, да и сама фигура рванулась вниз и понеслась.

Прожектор рванулся также, осветил забор с колючей проволокой поверх.

А вслед за ним на верхушке забора показалась фигура с дерева,

Минутная передышка, грозящий жест в сторону истоков света и фигура кубарем катится вниз, во двор.

Еще раз, теперь уже медленно и спокойно, прошелся прожектор по верхушкам деревьев и погас.

Снова тишь и темь в партшкольском садике.

М. Романчук.

В ВЕСЕЛОВКЕ.

В конце концов получил долгожданный отпуск. Все ребята у кого было куда—раз‘ехались, а мы чистые пролетарии ждем в Минске от‘езда в Веселовку.

Приготовились, ждем автомобиля. Но проклятый шоффер засаботировал и все вынесенные на двор вещи пришлось забирать снова в общежитие.

Отложили на следующий день.

Всю ночь не спится ребятам. Кое как переспали. На утро рано по общежитию крики: „выноси вещи“. Дружно, как один, погрузились и выехали.

А через полчаса в Веселовке. Взялись ребята за работу и через пять минут все кончено. Разместились в общежитии и разбросились кто куда.

Одни ушли купаться, а те знакомиться с местностью.

Вечером собрались и делятся впечатлениями. Оказывается, уже завели знакомство с 21-ми кавалер. и 81 комкурсами: они жили в лагерях недалеко от нас.

На следуюший день рано утром опять разбрелись. Так шлялись, знакомились дня три.

А потом увлеклись играми: крокет, шахматы, кегли,

А главное—качели.

А футбол ребята будут помнить! После каждой игры были раненые. У того нос разбит, у этого и зубов не хватает, но это все ерунда.

Качели так действовали, что партийному дому отдыха каждый день приходилось их починять.

Ловля рыбы тоже стала любимым занятием некоторых ребят.

Они целые дни просиживали всем

у реки, а вечером все время бились полными котелками мелкой рыбешки.

Ничто не могло укрыться от внимания любопытных партшкольцев.

Скоро ни одной ягодки не осталось во всех окружных лесах.

Своей братвы было много. Гости приходили к нам и мы к ним ходили на 81-е курсы, в комсомольский и партийный дома отдыха.

Тут то мы впервые познакомились с „банками"

Город партшкольцы забыли; не влечет теперь ничто в Минск.

Театром нас угощали комкурсы и изредка ходим в „Белый зал" и то не в одиночку, а все.

Время проходило весело и незаметно.

Но вот уже и один за другим приезжают ребята, уехавшие в отпуск домой. Встречали мы их так радостно, как будто не видали десятки лет. Распрашивали о жизни вне Минска, вне школы.

Вот уже почти и все.

Месяц прошел.

Жаль прощаться с Веселовкой, с играми, с лесами, с речкой.

Но чувствовали все себя прекрасно. Тени нет прошлой усталости.

Приехали опять в школу.

Все школьное стало как то ближе нам, дороже, милее.

Теснее подружились между собою курсанты. Снова закипела жизнь. С новыми силами курсанты взялись за учебу.

На перевале.

И. Бронштейн.

Утомились ребята.

Проучились полгода. Наслушались всяких „мудренных лекций, посидели на трех сотнях собраний и заседаний, одолели и военную премудрость и—кончено—нет ходу дальше.

У всех болят головы, ходят ребята взад и вперед по целым дням —заниматься не могут.

А солнышко так ярко светит, зелень так зовет к себе.

Наш заботливый предстароста изо всех сил хлопочет об отпуске, а агит-проп. не спешит.

А болезнь отпускная в это время свирепствует во всю, захватывая все новых и новых курсантов.

Заболел Бронштейн, потом Внук, потом Клебанова, заболел и Дворецкий, и еще, и еще.

Здоровые жалостливо покачивают головами вздыхают:

Бедные ребята. А в общем, что

же тут удивительного? Дворецкий такой малыш. Как ему не заболеть от истории культуры.

А „больные“ в это время у Липманова. Входит Дворецкий.

—„Батюшка доктор,—у меня грудь болит, я не могу заниматься. Дайте мне удостоверение, что мне нужен отпуск“.

— „Нет, малыш! Это нельзя. Кривицкий сказал, что отпуск можно дать только тем, у кого голова болит“—возражает Липманов.

—„Ну, вот так мне и дайте, господин доктор, а то от Вашего отказа у меня так голова разболелась, что я и до партшколы не дойду. У меня и раньше болела только я забыл сразу сказать“—...

Липманов смеется и обещает ему выписать усиленное питание.

Входит Внук

—„Тов. Липманов у меня болит голова, мне нужен отпуск, так как я заниматься не могу“.

Через несколько минут входит Клебанова:

„Тов. доктор, у меня болят уши.

— Ах, уши? Хорошо, я вас направлю к доктору Шику“—обрадовался Липманов—„он спец по ушным болезням“

—„ Нет, тов. Липманов, я.. я.. нется Клебанова, мне—Шик не поможет, мне нужен отпуск, я из за ушей не могу заниматься“.

—„Да что это вы все одной болезнью вдруг заболели?

Вы меня замучили совсем—орет вышедший из терпения доктор.

—„Да мне теперь самому придется у Мосевича усиленное питание просить“.

—„Ладно, ладно, идите домой, я скажу Кривицкому, что вы все больны, все должны получить отпуск“!...

Ребята запрыгали от радости по комнате, а Липманов так вошел в азарт, что успокоиться не может.

—„Я скажу, что если вас не отпустят, так вы все скоро с ума сойдете..., что вас надо отпустить немедленно, завтра же“...

* * *

А еще через 3 дня половина курсантов с счастливыми лицами, с узелками, с чемоданами раз‘ежалась в отпуск, а остальные строили разовые планы отдыха в Минске.

ИЗ ЭПОХИ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА.

Т. Лукашко.

ПУЛЕМЕТЧИКИ.

Только мы стали заниматься, как вдруг слухи: „Казарменное положение,“ „ЧОН“. И правда: 23-го марта всей нашей братве после утреней переклички скомандовали выйти на улицу.

Как один выстроились в длинный двухшеренговый строй.

И девушки тоже с нами.

Двинулись в клуб „Карла Маркса“. Нас там распределили по взводам, выделили команду пулеметчиков, а девушек разбили на связь и разведку.

Первый день занятий. Сделали несколько поворотов и—готово.

Потом несколько дней подряд только и слышно было:—„На пле-чо! К но-гип! На право равняйсь! Смирно! На пле-чо!“

„Товарищ, не ходи головой“!

—„Эй, тов. 2-го взвода на левом фланге—3 наряда вне очереди! К но-гип! и т. д.

Мы—пулеметчики, уже проходили установку и наводку пулемета. Части пулемета уже давно знаем.

Были разбиты по номерам, занялись словесностью...

—„Тов. Бельский раскажите, пожалуйста,- строго спрашивает начальник—обязанности 1-го номера?“

—„М-м-м... 1-й номер, отвечает за установку, наводку за... за .. я не могу выразиться“—мнется и растерянно смотрит по сторонам Бельский.

* * *

Теперь у нас в школе, что называется „полное самоопределение народов“. Пулеметчики, пехотинцы, разведка и связь—совершенно отдельные миры.

Каждое утро перед строем открываются три папки со списками и начинается утренняя проверка.

Это время дня—самое опасное, особенно для пулеметчиков. Тут щедро сыплются наряды и, так называемая „губа“.

Гораздо лучше—женской команде. Их начальник—Сидоренко носится орлом перед строем, но нарядов не дает—слишком мал его авторитет.

Но зато с тех пор его именуют Наполеоном.

* * *

Кончаем курс казармы. Готовимся к стрельбе, идет чистка пулеметов и осмотр.

На стрельбище установили пулеметы, машины и начальник команды уже „пристрелял пулеметы“.

Пошла стрелять наша братва.

Конкуренция в полном разгаре.

Очередь Перекальского. Парень страшно волнуется, по команде „Заряжай„ — Перекальский вдруг теряет „одно приемника“ и, вместо того, чтобы подавать ленту, ковыряется в „тонкой наводке“.

Но ребята помогли и все установлено.

Пулемет заряжен, команда:

— „Огонь“.

Грянул выстрел, а бедный Перекальский полумертвый от страха прыгнул в ужасе на 4 шага от пулемета.

Но испытание еще не окончено и Перекальский идет первым номером.

Улегся, закрыл короб и в ожидании команды на лице его столько страдания, как будто, в эту минуту он уже прощается с жизнью.

Команда:— „огонь“.—Трррах! И руки Перекальского механнчески отскочили от пулемета, а голова подвернулась под локоть левой руки.

Может быть и еще что нибудь случилось, но мы уже от смеха ничего не видели.

Соловьев.

НА МАНЕВРАХ.

Всем памятен этот день.

Тихий, теплый, летний вечер.

Стройные ряды коммунаров. Гром музыки. Недоумевающие рожи нэпманов, зевающих на Захарьевской улице.

Кончает музыка!

— „Третья рота, запевай!"—слышатся возгласы и партшкольская песня лихо несется по рядам.

Даже „вражеский" громкий барабан 81 курсов (они выступали против Чона), не может заглушить ее: ведь тогда еще был Заблудовский.

Вышли за город.

Высланы дозоры вперед, по сторонам, посланы люди в штаб для связи.

Противник близко в щести верстах.

Пришли на позиции, цепью рассыпались вдоль узенькой речки.

Выслали караулы.

Спало.

Ночной туман окутал землю, журчали реки. Фигуры с винтовками, лежащие на земле, пулеметное гнездо, спрятавшееся между сосен напоминают о недавнем прошлом.

Вспоминается Березина, отдаленные глухие взрывы снарядов и еле слышный рокот Кольта.

Вдруг направо прогремел резкий выстрел, неожиданно затрещал „пулемет",—трещотка, ему ответил другой и гулкие раскаты выстрелов несмолкаемо загремели на правом фланге.

Ребята засуетились, каждому хочется пострелять. С нетерпеньем ждут „врага".

Но его, как на зло, нет.

„— Выслать караул на насыпь„ приказывает взводный и мы в составе семи человек быстро уходим.

Проходит час,—другой—противника нет.

Выстрелы вправо становятся реже.

— Странно! очень странно! в такую серьезную минуту"!

— „Тише ребята кто-то идет!"

— „Стой! Кто идет"? сурово гремит часовой Дворецкий.

Ответа нет.

Фигура приближается.

„Стой! стрелять буду".

Дворецкий лихо прицеливается

—„Не стреляй—доносится из тумана пискливый голос—это я!"

— Да кто ты?

— „Да я... Кацман"!—чуть не плачет от страху.

— „Пропуск"?

— „Я заб—ы—л"!

Дворецкий хватает за шиворот „неизвестного" и отправляет в штаб для выяснения.

Поощренный победой „герой" отправляется в разведку; и не безрезультатно! Через полчаса, к нашему удивлению, припер пленного телефониста.

На нашем участке победа.

Ждем врага, но его нет.

Прошел час—два. Из за высокой железнодорожной насыпи показалось солнце.

Ребята возмущены. Чорт знает что такое. Пора уже домой идти, а они все не нападают... Безобразие!

— „Собирайсь! — становись по четыре—пошли" — командует взводный.

—„А бой?"—недоумевают ребята.

— Нет боя!

Оказывается главное сражение происходило помимо нас.

Наши побеждены: Отобраны пулеметы.

Полный разгром.

Заблудовский, говорят, подрался из за пулемета с „неприятелем".

Бумажные пули не берут, так он пустил в ход кулаки.

И наши ребята потеряли винтовки.

Скверно! стыдно! чорт знает что!

— „Да это командиры виноваты"—стараются оправдаться ребята—„они сами так подстроили,—партшкола никогда не сдаст своих позиций."

Выходим на шоссе.

Никого нет. Все части ушли.

Разуваемся и плетемся домой

— „Настоящие французы из под Москвы"—шутят усталые „вояки".

Еренбург.

ДВА ДРУГА.

(Вроде сказки Андерсена).

Тик-так, тик-так, тик... Спешат-спешат, куда то часы, а дремлющий возле, их неразлучный друг—звонок, наклонил головку и чутко прислушивается: не пора ли?

— Ско-ро, ско-ро, тик-так, тик-так.

И впрямо скоро. Вон что, то уж копошится. В темном углу встает дежурный. Стрелки уже тоже приближаются к знакомым цифрам: одна-меньшая к 8, а большая к 6.

— Пол восьмого!

— Пора, пора,—отстукивают часики.

— Трааахахаха! — засмеялся вдруг звонок, радуясь обычной утренней прогулке.

— Втааавааай! Трааахаха!

* * *

Еще хочется ужасно спать, но часы твердят свое.

— По—ра, по—ра, так!

И вместе с раздирающим ухо звонком разносятся крики:—На чай! На чай!

И чем громче, чем орябленнее крики, тем громче и озлобленнее звонок.

Вообще, звонок со всеми дежурными в хороших отношениях.

Лежа в кармане он чует настроение дежурного и звонит всегда в такт настроению.

* * *

Бедный звонок! Скольких драм, скольких душевных трагедий был он невольным свидетелем.

Вот кряхтя, булку за булкой, тягает дежурный белый хлеб из каптерки в столовую.

— Беда сегодня с ребятами. Хлеб свежий, чай с молоком и музыкой (дежурит Немец). не наберешься!

— А часы? Вы забыли верного товарища—часы!

Они уже давно настойчиво выстукивают.

— Де-вять, де-вять, тик-так!

Пошевельнулся звонок от нетерпенья, дернул язычком. Вспохватывается и дежурный и перед носом несчастных опоздавших со стуком захлопывается дверь.

* * *

Тут-то и начинается настоящая работа.

Сколько слов, сколько выкриков, сколько шуршащего шопота, сколько скрипа дверей приходится выслушивать нашим закадычным, друзьям—звонку и часам!

— „Ка—Пе—Те—Ха—а!“-Кричит, что есть мочи дежурный,—и трясет во всю, звонок:—звени, мол, громче!

Шагают, шагают часы, отбивают свои „тик—так,“ слушают. В конце—концов и им надоедает.

Хватит. Наболтались!—и выстукивают звонку: „по—ра, по—ра!“

Звонок рявкнет, побежит по дороге к двери и там зальется...

* * *

Но не всегда так внезапно обрывает звонок напряженное внимание курсантов.

Случается и так, что задолго еще до того момента, когда простучат часы свое „по—ра“, когда звонок еще только борется с дремой, нагнанной на него монотонно-гудящими звуками лекции, словом, когда еще до „конца лекции“ много—много „Тик—так“—оотстучат часы,—и вот случается, что тогда на часы устремляется пара молящих глаз.

— Скоро—ли, скоро ль? Милые! Выручайте!

Часы смущаются, им становится как-то неловко, чуть—чуть заметный румянец выступает на их циферблате, что-то тяжелое сдавливает маленькую пружинку внутри, под самой грудью. Особенно, если глаза смотрят сквозь большие, сверкающие на солнце стеклышки.

Но внешне часы остаются спокойны. Они неумолимы.

— „Тик—так, тик—так!.“

Глаза перестают молить, они уже как—то тупо—равнодушно изучают трещины и морщинки на циферблате, следят за медленным движеньем стрелок, считают „тик—так“ и... наконец задергиваются белесоватым туманом и закрываются, опустившейся занавесочкой. . .

. . . .

Испугать бы их. Вот смешно будет!

И шаловливо стучат часы:—

—Тик—так, тик—так, зво—ни!

— Траааахаахаха! смеется звонок, заметив, как испугано блеснули глаза....

* * *

Пошалили и хватит.

Снова идут часы—считают секунды к занятиям секций.

А там—на обед.

Снова секции. Групповые.

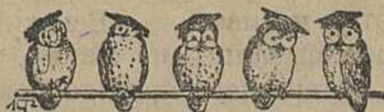
Ужин. Чай.

С-п-а-т-ь

Только теперь можно вздохнуть свободней.

А завтра утром снова:

— Встааваай!...



В группах и секциях.

Кауман.

На уроке у Арелэ.

(I-ая группа).

— „У нас что сегодня?“.

— „Истмат“.

— „Ага, — Волобринка, Арелэ, ну, живей, даешь! Сегодня интересно будет!“.

И ровно в половине пятого вся группа на месте.

Минут десять ждали Волобринского.

Приходит и он. Минуты три шума: аплодисменты, радостное: А—а—а!—и тишина.

Своим однотонным голосом, особенно подчеркивая букву „р“, раскачиваясь взад и вперед долго говорит Арелэ.

Иногда только на минутку остановится, чтоб спросить:—„У кого есть спичка“ и затянувшись папироской продолжает.

Со всех сторон на него устремились глаза.

Слушают, боясь, что нибудь проронить: во первых это—истмат, а во вторых,—это не пережевывание лекции, а гораздо шире, интереснее, глубже.

Вдруг Вайнштейн произносит: „Да“.

Все переглянулись. Улыбки, никак не привыкнуть к этой его особенности.

Опять только голос Волобринского, да изредка кое кто перекинется взглядом, качнет, в знак согласия головой.

Вайнштейн встает—„Да“—выходит на середину комнаты (во время усиленного мышления он сидеть не может), минут десять держит руку у лба, а затем стремительно ее протягивает в сторону Волобринского. „Дай мне слово“.

На него обрушиваются все сразу—„погоди, не мешай“.

Вайнштейн сел и нетерпливо ерзает на месте. Арелэ продолжает...

Затянулся еще раз, и: „У кого есть вопросы?“.

Их целая туча.

Меерович:— „Разреши“ — Лиза Закс:—„Дай и мне слово,“—Богин—„я давно просил“,—Рябова—„я тоже хочу сказать“ и еще, и еще, вся группа.

Первый получает слово, конечно, Вайнштейн.

Вскакивает. Сдергивает с головы шапку, запахивает полушубок и яростно размахивая по всем направлениям руками говорит долго, минут 20.

Кончил. Тишина... Групповод: „Товарищи, кто понял?“. Молчание... Меерович—„разреши“ и начинает пояснять.

— „Нет, это не то, садись, ты сам не понял!“.

— „Ну, кто об'яснит, что сказал Вайнштейн“.

Пожимают плечами.

Вайнштейн весь красный машет руками: „не надо, не надо, продолжай дальше. Я с тобой после поговорю“. „Меерович, твое слово!“.

Говорит, спешит, повторяет 2—3 раза для убедительности, за ним Богин, а там медленно и вразумительно Лиза.

А Меерович после каждого просит слова для опровержения...

—„Ну все?

—„Нет, еще дай мне“—„И мне тоже“. И опять пошли...

Звонок... прошло 3 часа, а мы и не оглянулись.

А. Напорко.

Рассадник лекторов.

(III-я группа).

История III группы—это история противоречий между курсантским незнанием и старанием груповодов.

Первые занятия проходят тихо: груповод разсказывает, лишь изредко пискнет голосок Еренбург, которая по каждому вопросу должна была что нибудь сказать. (Еще бы—ведь она еще до школы была груповодом).

Но вот прошли часть истнархоза и ребята не только научились, но даже Казилло выдвигает свою теорию в противовес групповоду и доказывает что он видел ее у самого Маркса. У Дворецкого своя теория, у Петросюка своя, а Брум просит дать ей высказаться. Каждая из них поднимает крик, шум и групповоду трудно бывает усмирить группу.

Начинаются зачеты, а за ними и здоровая перетасовка в группе. От нас уходят на различные стороны передовыя вожди наши—Кизилло, Петросюк и др. А вместо них соизволили приплыть Кикоина и Троцкая.

На общественную арену группы выступают две новыя группировки, Соловьев—Брум и Кикоина—Клебанова и в этот то период появляется знаменитая мысль о том что почему бы Коминтерну не старатся дать марксистское образование буржуазии—ведь, зная хорошо полит.-экономию они не стали бы эксплоатировать рабочих.

Философ по вопросам иудейской религии и знаток еврейских обрядов и древне еврейского языка Табайник разворчивается во всю.

Занятия по историческому материализму идут весело и интересно.

А тут появляются нелегальные спортивные выступления Козлова за спиной у групповода, которые доставили группе много веселых минут.

* * *

На истории Запада не выскакивают девушки и они молчат на строгий вопрос групповода, захватывающий за самое сердце:—„почему вы ничего не читаете“?

* * *

Последняя стадия развития капитализма—финансовый капитал и она же последняя стадия учебы.

Все чаще разговоры о скором выпуске и каждый задумывается—куда он попадет.

Часть сразу же безповоротно захотела стать лекторами. А застрельщиками их были Брум и Еренбург. Для того чтоб развить лекторские способности нужно практиковаться решила Брум и взялась за дело.

Лишь только кто нибудь из товарищей выскажется, как—Брум; „разрешите мне пояснить что он хотел сказать“.

Крик старосты обрывает ее и она вынуждена с очаровательной улыбкой сесть на место. Троцкая же считает своей обязанностью каждому парню строго сказать.—„Ты замолчи, потому что это для тебя не интересно“.

Но желание практиковаться у всех будущих лекторов (у нас их количество очень велико). И от этого на уроке подымается такой шум, что хоть удирай.

Замучили нас совсем нашие будущие лектора.

Единственное спасение—тов. Козлов. Спасибо ему. Кой когда нелегальный гимнастический номерок выкинет и этим даст на минутку отдохнуть от лекторского базара.

Л. Закс.

НА РАБОТУ!

Курсанты оживились Школа приступает к практической работе.

Лекторская секция также готовится к своим первым серьезным выступлениям на педагогическом поприще.

После занятий наш староста Прокопчик об'являет, что будут распределять по ячейкам для проработки в них истории партии.

— Мне милицию!—Мне непременно рабочую ячейку!—Я хочу в тягу!

— Чего орете? В Александровском районе все ячейки рабочие—отвечает Прокопчик и также спокойно рассуждает:

— Соловьев! Ну, куда бы его? Куда Плоткину?

. . . .

Наконец ячейки распределены.

Мы еще в свои силы не верим тем более, что истрева в школе не проходили и нам предстоит совершенно самостоятельно проработать его в ячейках.

— А что если не справимся? Высказывает кто-то мелькнувшую у всех нас мысль.—Ведь недостаточно еще знать истпарт, необходимо уметь на всякий вопрос ответить, и по марксистски ответить.

Но рвение поскорее приступить к работе уже через минуту заглушает всякие сомнения и мы, радостные в сознании ответственности своей задачи, уже хвастаем перед курсантами других секций.

— А мы уже в ячейки идем на практические!

. . . .

Прослушали лекцию Каценбогина.

Нужно еще многое прочесть, обдумать, составить план.

Два дня самой упорной горячей работы.

Дежурный староста уже не назначает „лекторов" чистить картошку.

Что же касается дежурства, то тут он попрежнему неумолим.

— Нельзя—и баста!

— Не желает даже понять—бросаем ему в догонку...

Наступает вторник некоторые из нас уходят в ячейки работать.

— Почему так долго не возвращаются?,—волнуются оставшиеся.

Но вот пришли... окружаем, засыпаем градом вопросов.

— Что, как, хорошо ли?

— У меня прошло довольно живо.

— А у меня аудитория неразвитая. Вышло не совсем хорошо. В следующий раз нужно будет популярнее.—

Перебивая друг друга делятся своим опытом «побывавшие на практике лектора».

. . . .

В следующий вторник и я приступаю к работе.

Прихожу в ячейку. Меня ждет аудитория в 25 человек.

Все взрослые, солидные, гораздо старше меня.

— Да этого я знала до школы. Он был куда развитее меня. Как же это я его учить буду.

Сердце еще усиленнее застучало.

. . . .

Слушатели заинтересовываются.

Заработала мысль.

— Причины применения террора к отдельным членам правительства в том, что организация имела слишком узко-заговорщический характер—говорит один.

— Нет, главное это—неосознанность классовых интересов—дополняет его тут же другой.

Быстро проходит 2 часа оживленной беседы, где каждый спешит высказаться, прибавить кое, что новое к уже сказанному.

„Моя аудитория" довольна первой беседой.

— А что если чаще устраивать такие занятия?!—несмело просит на прощанье тов. А...

И. Богин.

ЗЕЛЕНАЯ ПРАКТИКА.

(Наши секции).

Фунт зеленой практики
лучше пуда копченой теории.
— (армейская поговорка).

I.

Радостно встретили у нас известие о создании секций.

И не удивительно.

Шутка ли? Целый год питались сплошной „теоретикой“, и вдруг: „тарифная сетка“, „как сорганизовать кооператив“—одним словом практика.

Партшколия начала завязывать сношения с внешним миром.

Замелькали „вислоухие“ по заводам и партшколам, белые шапки—на рабочих собраниях.

„Мануфактуру“ из «капитала“ вытеснил всамделишный завод Раковщика, вместо главы „О рабочем дне“ экскурсия по охране труда.

Ожили наши ребята, давно уж руки чешутся—работать страсть хочется.

* * *

Группы на бок.

На смену им секции.

Перепутались звонки.

Дежурный как ошалелый несется по коридору.

— Профсекпия.

— Юнсекция.

— Партсекция.

— Лекторская.

— Кооперативная, мешки таскать!

У бедного дежурного голова кругом.

И в самых секциях перетасовка; никак не разберешь какая тут группа: не то первая, не то пятая.

Ново все и небычно, даже и Силевич и Петрасюк и те рассучены. Один—профсекция, другой—кооператор.

* * *

II.

Беленький и Балабанов читают в профсекции. Ворчат ребята, недовольны.

— „Что мы этой „чиории“ не слыхали что ли?“ „пусть бы куда нибудь свели, показали-б на практике!“

Через два дня были на заводе.

Снова недовольство.

— «Да что успеешь за полчаса, да и какая польза от его, что на стены будем глядеть“.

Недовольство и потому, что состав неоднородный, что нет старых профессионалистов с практическим опытом, на который секция могла бы опереться.

Жалуются.

— „Секция ничего не дает, на работе мы все это узнаем гораздо лучше и основательней“.

Да и что она может дать?! Нельзя же совершенно незнакомым с делом, за один месяц преподнести всю премудрость профдвижения.

* * *

Есть у нас секция, хоть она и юношеская, но работники в ней старые и опытные.

Дюжина всего в ней, все—старые комсомольцы.

Потому и работается спорно.

Куцей практики на скорую руку за две недели нет.—У каждого практики (без кавычек) предостаточно, да еще какой!!

Следует только освежить ее в памяти и несколько систематизировать. Секция это как нельзя лучше выполняет. И не мудрено,—всю историю Белорусского союза сами проделали!

Вечером собираются, делятся воспоминаниями и вся история как на ладони.

Вопрос о деревне?

Водить в Сенницу не приходится. Все деревню хорошо знают и не раз о ней думали.

Ребята с ловкостью настоящих артиллеристов поворачивают такие тяжелые орудия как „симпатия крестьянства“, классовое расслоение в деревне“ и т. д....

* * *

Ухитрился Ленский наших молоденьких парт-работников, за две недели познакомить с внутри партийной жизнью.

Уж такой он спец, что всех вовлек

в работу. Недаром из других секций начали стекаться в партийную.

В Ц. Б. белошапочники осаждают Гельфера.

— „Мы из партсекции, по поручении т. Ленского. Пришли обследовать учет агитпроп. работы.“

В вечерней политшколе Горрайона на последней скамейке чинно сидят три партшкольца, и заносят свои наблюдения в записные книжки.

Результаты обсуждаются на собрании секции.

Ленский никому не дает молчать.

— „Ваше, так сказать, мнение относительно агитколлектива?“.

— Чтож? Ответить легко. Вопрос так тщательно подготовлен, что ответ сам напрашивается.

Две только недели прошли и секция получила понятие о многих партийных учреждениях, знает недостатки агитколлектива, политшкола для нас уже не просто место где обучаются политграмоте, а целая сложная система со своими достоинствами и недостатками и знает секция даже, как следует вести и направлять агит.-проп. работу.

Такова то наша зеленая практика.

Леонов.

У кооператоров.

— «Кооперация на занятия!»

Слышу, как в соседней комнате застучала дверь, затем стук быстро удаляющихся шагов. „Кооператоры“ спешат на занятия; знают, что Трамдах уже пришел. Хорошим примером послужит его аккуратность для будущих кооператоров.

— „Что-же товарищи можно начать занятия“—пристально всматриваясь в лица присутствующих заговорил Трамдах.

Шум разговоров стихает но по комнате носятся отдельные выкрики.

— „Да! да!... можно! можно! уже пора“!

— „Успокойтесь-же ребята наконец“. Аточкин—староста вытаскивает из кармана серебрянные часы, окидывает пронизывающим взором всех присутствующих, показывая этим, что проверяет на глаз все ли явились и напоминая, что он все-таки староста.

— „Мы сегодня побеседуем о целях и задачах кооперативов“—начинает лектор, смотря вниз-под себя.

Кизилло торопясь, чтобы успеть зафиксировать главную мысль лекции, быстро—быстро и размашисто записывает, по временам всматриваясь в лицо лектора: обращает-ли тот внимание на его усердную работу.

Убедившись, что т. Трамдах пока не окончит своей лекции смотрит только на пол, да изредка на свою папку, Кизилло корчит недовольную мину и еще ожесточеннее бегает его карандаш по бумаге.

Только окончив лекцию, т. Трамдах чуть-чуть приподымает голову, посматривая на всех и почти шепчет:

— „Задавайте вопросы, что кому не понятно“.

В ответ на это Лазарчик откашливается, поправляет пенснэ на носу, и покачиваясь из стороны в сторону, как маятник часов, гремит.

— „Все было понятно, теперь хорошо знаем, что кооперативный капитал не заинтересован в прибылях, а удешевляет продукт и улучшает его качество“.

ТРЕНАЖ.

(Вроде некролога).

— Он безвременно скончался!

— Погиб во цвете лет!

А сколько надежд он подавал одним. Сколько мучений приносил другим...

Предвестниками тренажа были лозунги в новой читальне.

— Сила! Ловкость! Быстрота! Уверенность!

— Кое—кого эти лозунги пугали—с непривычки.

— Других ставили в недоумение.

Но это только лозунги.

Настоящий тренаж начался позже.

— На собрании ячейки.

Сучковой надо предложить план. Но что?

— Счастливая мысль! Тренаж!

— Самое модное!

Собрание в восторге.

— Оно рукоплещет.

— Оно постановляет прекратить курение.

— Немедленно!

Страстные любители „курева“ взмолились.

— Хотя бы по одной в день!

Отчаявшись уступали за половину.

— Одну через день.

— В неделю.

Напрасно! Их мольбам—ноль внимания.

Они грозят заболеть.

Не трогает. Собрание жестоко стоит на своем.

Оно наделяет комиссию неограниченными правами. Дает ей право карать и наказать. Поручает ей выработать еще целый ряд „норм поведения“.

Жестокое собрание.

На завтра первый приказ: так и остался единственным.

„Вставать в 7 час. 25 мин.“

„В 7 ч. 30 м.—спорт“.

„Вывесить на видном месте расписание дня и ночи“.

„Неисполнение сего влечет за собой... и т. д.“.

Начался настоящий тренаж!

Но всякое великое дело требует жертв.

В первый же тренажный день заболело пять животов и четыре головы. Многие страдали бессоницей и никак не могли лечь в 12 часов.

В 12 ч. 10 мин. их видали перебегающими из одной комнаты в другую, скрываясь от обхода. Если же их и находили в кроватях, то оказывалось что ни возле, ни во всей комнате не было их платья. Исчезало чудесным образом.

Однако больше всех пострадали „курильщики“. Они по всему городу искали места, где можно было бы пустить дым не в глаза тренажной комиссии.

Постоянные посетители уездной школы участили свои визиты туда.

Дело приняло даже более серьезный оборот.

Одна из комнат общежития оказалась, однажды, запертой на ключ целый день. Когда удалось отмычкой открыть дверь, то поднялась необычайная тревога. Послышались крики: „Пожар“!

Из комнаты валил черный, густой дым.

Когда дым рассеялся, удалось выяснить происшедшее.

По всему полу, по столам и на кроватях валялись сотни окурков. На кроватях лежали, почти без чувств, „курильщики“, собравшиеся сюда со всего общежития.

С трудом удалось их спасти от верной гибели!

Анти —тренажники имели и своих идеологов и теоретиков, которые, путем анализа, открыли что тренаж—это „надстройка“ над милитаризмом!

Идеологи же тренажников выступали на общих собраниях со своими теориями, что в тренаже следует различать два основных метода: „метод убеждения“ и „метод принуждения“.

Абстрактные теоретическиеспоры иногда переходили в конкретные, хотя до драки доходило редко.

Но, увы! Анти-тренажники победили.

Они взяли медленной осадой.

Реакция торжествовала.

Тренаж скончался.

Вечная ему память!

Слава его борцам!

М. Р.

И. Воронов.

Безвременно скончавшиеся.

Официально их было четыре, хотя многие с этим не согласятся.

Желая примирить обе стороны, я скажу, что их было почти пять.

I.

Эконом—география.

Вот когда мы напутешествовались! Начнет бывало т. Володкевич скороговоркой, с митинговым пафосом и жестами, развозить нас по разным материкам, (скорость была почти Жюль Верновская), по дороге строя огромные баррикады из хлопка, каменного угля и железа.

Все шло хорошо, (хотя мы несколько раз чуть не погибли). Проехались по всем рекам, морям и океанам. (Ох, сколько качек мы перенесли) Перетряслись по шоссейным дорогам почти всей Европы и приступом взяли железные дороги.

Катались мы уже по английским и по французским дорогам, свернули на германские пути и уже думали вернуться, как вдруг—несчастье.

Не досмотрел начальник дороги, Кривицкий, и мы полетели под откос.

Так закончила свое существование эконом-география.

II.

История культуры.

На первых лекциях мы находились под гипнозом огненных глаз и таинственного полушопота Бухаркина.

Но прошла неделя и основа основ—вопрос, что раньше возникло мышление или речь, безжалостно разбился о каменные глыбы пещерных стен с рисунками первобытных людей и.... партшкольских голов.

Потом появился Франкфурт.

Опять начинаем сначала.

Опять речь и мышление захватывают нас.

Но злая судьба на страже.

Мы уходим в пещеры, уходим, чтобы оттуда уж никогда больше не вернуться.

III.

Естествознание.

Вот уроки, которые врезались в память!

Начиная с млечных путей, предварительно—затронув горящие газы, мы переходим к солнечной системе.

От солнца мы стремительно падаем на нашу землю.

Земля еще находилась в огненно-жидком состоянии и мы все сильно обожглись.

Закричали.....

Т. Новогрудский сжалился над нами и бросил нас в ледниковый период. Обморозив себе руки и ноги мы в конце концов перешли в умеренный пояс.

Тут мы себя почувствовали превосходно и приняв вид „амебы" пошли переходить из вида в вид.

Доразвились мы до Иоркширской свиньи.

Естествознанию суждено было погибнуть на чикагских скотобойнях.

IV. Литература.

Какие приятные звуки! Не серебрянный ли ручеек это течет, окруженный зеленой травкой?

Нет, нет это Тепин читает лекцию по русской литературе.

Вот мы страдаем вместе с Степняком—Кравчинским за его героев из „Домика на Волге", собираемся уходить от мира сего, следуя за Толстым, но задерживаемся, заглядевшись на красоты лунных ночей Гоголя.

Мы уже ожидали благополучно добраться и до „Наших дней" но и тут судьба...

И все это натворил Короленко со своим „Человеком без языка" после него и мы остались без..... „русского языка".

V. История Запада.

У нас расстреляли вместе с героями Парижской Коммуны.....

* * *

Еще худшую участь предсказывает История Рев. Движения в России.

Но и теперь еще за неделю до конца занятий с уверенностью можно сказать, что дальше сибирской каторги мы с Вайнером не уйдем.

М. Рапопорт.

КРУЖКИ.

Их было целых девять: художественный, спортивный, литературный, газетный, шахматный, электро-технический, драматический, хоровой и музыкальный. Однако, в этой области культработы дела обстояли не весьма важно.

Количество здесь не перешло в качество, скорее наоборот.

Возникали эти кружки большей частью по капризу того или иного члена культкомиссии, и не найдя под собой почвы, очень скоро лопались. Так, были кружки, просуществовавшие целых два дня (хоровой) или неделю (музыкальный).

К наиболее долговечным относятся художественный и спортивный.

* * *

В спорт. кружке руководители менялись три раза. Сначала был спец не то по тяжелой, не то по легкой атлетике. Его сменили на „чижолого“, который, в большей степени, чем спортивными, способностями, обладал талантом писать стихи и философствовать о высоких материях...

Его скоро обменяли на спеца по легчайшей атлетике, который своими полетами вверх и акробатскими фокусами соблазнил наших культкомиссаров (от слова: „комиссия“, а не „комиссариат“).

От таких частых перемен с „легкого“ на „тяжелое“ кружок тяжело скрипел.

* * *

В художественном кружке наши ребята занимались скорее малярской работой, чем учились рисовать.

Надо идти на манифестацию—малюй лозунги. Надо пустить световую газету—валяй каррикатуры, надо выпустить журнал—рисуй заголовки и виньетки. Надо ставить инсценировки—пиши иконы.

В общем существовали из хоз.-расчета.

Но бывали в художественном кружке и теоретические занятия. Из этих занятий члены кружка узнали сколько измерений в перспективе имеет порванный ботинок Пинского, которым иллюстрировалась „лекция“.

Узнали, что есть холодные, теплые, и горячие тона красок и др. истины.

* * *

Из других кружков наиболее важные—это газетный и электротехнический.

В газетном кружке ребята прежде всего узнали, что чем больше строчек, тем больше гонорара, а по сему самое выгодное дело быть футуристом, (что слово—то строка).

Еще они узнали, что передовица—это первая статья, что если нет темы для передовицы то пишут: теперь наступило такое однообразие, что совершенно не о чем писать.

В общем кружок этот не очень то много занимался поэтому то и не успел выпустить настоящих корреспондентов.

* * *

Самым характерным был кружок электро-технический.

Была выработана программа кружка, принципиальная и тактическая, был выработан устав и наконец был избран президиум, который имел целый штат служащих. Завед. мастерской, заведующий библиотекой, зав. учебной частью и т. д.

Результаты блестящие. Члены кружка научились убивать также крыс, (которых тогда в изобилии ловил Петрасюк). Некоторые даже научились проводить ток к ручке двери, потом зазывать всех в комнату и угощать порцией тока.

Однако более способные члены кружка, которые могли делать даже „короткие замыкания“, исполняли более серьезные заказы и кружок также как и художественный, жил на хоз. расчете.

* * *

Из особенных кружков самым благополучным является шахматный. Этот кружок всех Евпартшкольцев превратил в первоклассных шахматистов, которые заткнут за пояс любого игрока из ЦПШ. Есть даже среди них—„чемпионы“.

* * *

В литературном кружке было „Горе от ума“.

Наш ближайший учитель.

Р. Бройдо.

Так и не добилась „настоящего“ уважения.

Помните, как я в первый раз пришла на занятия?

За несколько дней до того т. Кривицкий мне сказал, что я буду работать с 3-ей группой.

Я несколько раз приходила. Сидела на занятиях.

Присматривалась, прислушивалась.

Вела я себя очень важно, чинно , как подобает взрослому человеку, а в особенности—групповоду!

Думала своим серьезным видом подействовать на курсантов.

Но групповод предполагает, а курсанты располагают . . . .

Судьба, укравшая от моего внешнего вида лет 5, преследовала меня!

В детском доме меня принимали за девочку. Чуть не спросили:

—„Девоцка, а ты цытать умеесь?“

В Харьковской школе—за курсантку.

Чтоб не осрамиться я предупредила т. Кривицкого:—„скажите курсантам, что придет сегодня новый групповод“.

Наконец настал великий час.

Вхожу в аудиторию. Сердце ведет себя неприлично. Бьется так, как не подобает воспитанному сердцу.

Курсанты в сборе.—„Ждут меня“,—думаю.

Поднялся Табайник.

—„Он, кажется, хочет сказать приветственную речь“, мелькает у меня гордая мысль.

„—Ну, ребята, мы больше ждать не можем. Ведь групповода нет!“

Далеко не гордо звучит мой голос.

„Это... я групповод вам!“...

* * *

Это встреча... А проводы?

„Банок говорят, поставим“

И даже Ермолаев, до того тихий, приближается ко мне и....

Спасли от банок курсантки к которым, как говорит Напорко я лучше отношусь.

А я эти банки положила в карман своей памяти. И сохраню на долгие годы, как хорошие воспоминания о „банковщиках“.

Л. Аксенцов.

ЗАБЫТОЕ.

„За хле-бо-о-ом!...“ раздается голос по корридору, и из всех комнат ребята опрометью мчатся к каптерке.

Мигом от коптерки по двору растягивается длинный хвост, с нетерпением ждущих хлеба, курсантов.

Поочередно выходят уже получившие: кто с целой булкой, а кто с кусочками наверху.

Этим бывало не особенно приятно, их тотчас же окружали и положенные наверху кусочки мигом исчезали.

Ребята морщатся; хлеба никак не хватает, пятый и даже часто четвертый день проходит впроголодь; чуть дождались выдачи.

* * *

Вскипел куб с чаем.

Кто с чайником, кто с котелком, а кто и просто с чашкой—спешат.

Опять очередь, только поменьше.

И по комнатам начинается чаепитие. Пьют из стаканов, из кружек, а зачастую и из банок от молока.

Картины чаепития самые различные.

„Семейные“ комнаты, вроде бобруйских, кладут на стол хлеб, чаще всего с маслом и едят пересыпая все это смехом и шутками.

А в индивидуальных комнатах каждый приносит себе чай, затем вынимает из-под кровати чемодан, отпирает его, каждый вынимает свой кусок хлеба, свою баночку с маслом и, сохраняя молчание посматривая друг на друга пьют чай.

Причем кто из дому посылки получал, тому—лучше, а остальным—плоховато.

* * *

Обед начинается в четыре часа.

За полчаса до этого кучками и в одиночку направляются к „Карлу Марксу“ с хлебом, с ложками в руках, а, главное—с красными талончиками—курсанты.

Усаживаются за стол и ждут долго, долго.

Обед дрянной и ребята недовольные лениво направляются в партшколу.

А некоторые умудряются, оставаясь за тем же столом, или, перейдя за другой, пообедать 2 раза.

Особенно отличался на этом поприще Табайник. Он, говорит, с‘едал по 3-4 тарелки супу.

* * *

А через полгода—бывалая 7 и 6 комната-столовая.

Тут и обедают и чай пьют.

Все-все одинаково. Все или с маслом или без масла.

У каждого не лежит своя порция, никто не тащит из коптерки в комнату свой паек хлеба и сахару.

Партшкола стала партшколией.

Д. Блинков.

КОМСОМОЛЬЦЫ

Собрание нашей комсомольской ячейки.

На повестке дня—дискуссия о НЭП'е (это в начале 22 года).

Докладчик—Пиня Рубинчик всячески старается оградить НЭП от нападок, доказать его необходимость.

Пошли прения.

Меерович, а за ним еще целый ряд горячих ораторов градом обвинений обрушиваются на НЭП.

Доказывают, что это возврат к полнейшему капитализму и т. п. и т. п.

Осудили, да пожалуй и совсем отменили бы НЭП да спасибо спас его подвернувшийся случайно Борисовский коммунист.

Ему, да и то невероятными трудностями удалось защитить истину.

* * *

Отношения с ком'ячейкой никак не ладятся. Коммунисты смотрят на нас, как на мальчишек, невыдержанных, а наши комсомольцы себя считают большими революционерами.

Однажды ком'ячейка устраивала воскресник и, случайно, в тот же день, когда и комсомольский воскресник.

Происходит очень горячая дискусия, куда итти: в комсомол или с ком'ячейкой.

Особенно отличаются горячие поборники комсомола Вайнштейн, Блинков и Меерович. Но все таки в конце-концов решили итти с ком'ячейкой.

А на следующем собрании ком'ячейки за нарушение дисциплины выносятся выговоры и Вайнштейну и Блинкову и Мееровичу.

Опять волынка: комсомольцы скандалят: „Нам не имеют права выносить выговор: мы—беспартийные. Удалось передать это в бюро ячейки КСМ и там оно с треском проваливается. А „беспартийностью" опять на долго испорчены отношения с ком, ячейкой.

* * *

Партшкола—это „партшкола".

Куда бы мы не явились, мы везде „П а р т ш к о л а" и везде берем верх, горой стоим друг за друга.

Избирают президиум собрания.

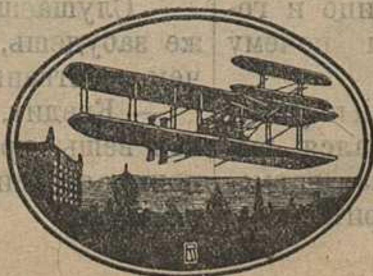
—Даешь наших.

— Даешь!

И весь президиум—партшкольский.

А потом решили, что мы и так все умеем, надо дать учиться и работать другим и «принципиально своих не проводили.

А Соскинско—Козловская дискуссия когда почти вся партшкольцы за исключением Вайнштейна были соскинцами и навлекла на себя козловские громы и молния; и тут как и везде во все продолжение курса: сила, крепость, единство действиях.



Амеба.

НАКАНУНЕ ВЫПУСКА.

Последние лекции и последние групповые занятия по ревдвижению и финкапиталу.

Пробило 5 часов, а вслед за часами отчаянно звонит звонок. Мчится дежурный по общежитию и старается как можно погромче звонить, потому что ребята не так уж быстро как раньше бывало, выходят из комнат.

Наконец все собрались, но не по группам, а у ворот.

Все уже заниматься осталась лишь 4-ая бедненькая группа, так часто обижаемая групповодами.

Стоим у ворот и ждем, а Козлова все нет и нет. Надоело уже драться смежками, надоело и бегать.

И ребята запечалились.

„Эх--эх—эх. Козлов нами совершенно не интересуется!“

Да зачем ему нами интересоваться. Все равно скоро конец.

Крик: Идет, идет, идет! Но как идет? Еле-еле ноги тащит. Лениво-лениво приближается к школе.

Староста наш паренек еще очень молодой, но хочет быть серьезным.

Он делает строгое лицо и говорит: „тов. Козлов. Вы почему опоздали на полчаса“?

Но не выдержал фасон и улыбнулся,—Козлов тоже улыбался, вынимает медленно часы из кармана и еще медленнее говорит:

Тов. Староста, я опоздал только на 5 минут. Групповоду простительно. А Ваши часы спешат.

Наконец-то мы сидим в комнате, не в аудитории, конечно.

Тепло и уютно; ребята себя чувствуют как дома; расположились кто на койках, кто на столе, а Аточкин, самый солидный и примерный в нашей группе сыплет на стол семячки.

Да ведь это настоящий комфорт. Вокруг счастливые, блаженные лица курсантов, спокойно ленивые позы и треск семячек.

Обстановка создалось такая не принужденная, что ребята даже предложили.

—А не спросить ли сюда чайку?

Но вдруг слышится роковое:

—„А-ну-ка публика, приступили к занятиям!“

Постепенно затихает треск. А лица становятся сер'езнее.

Козлов приступает:

—„Тов. Аточким! Определите пожалуйста, что такое кредит“?

Аточкин коротко говорить не умеет и самое коротенькое его выступление это—настоящий реферат.

Слушаешь его, слушаешь и даже забудешь, когда он начал и о чем собственно говорят.

—„Кредит, понимаете ли, это такая вещь, кредит это такая сделка понимаете ли, что—ну, как Вам сказать...

—„Ах--ты—черт возьми, но могу, понимаете ли, точно определишь кредит—“.

И пошел и пошел...

„Э—э—э стой, стой“—А ну ка, публика, кто лучше скажет?

Медленно,—медленно, но все-же мы движемся вперед. Говорим уже о различим между банкнотами и бумажными деньгами.

Долго толковали, судили, рядили спорили и уже двигаемся дальше.

Вдруг Петрасюк встал, разинул рот и остановился в недоумении:

—„Тов. Козлов, об‘ясните пожалуйста, какая разница между бумажными деньгами и кредитными. Я понимаете „какурат“, думаю наоборот, что бумажные деньги разменны, напр. возьмем сторублевую бумажку мы можем ее разменить ни 10-ти рублевки и т. п., а банкнот ни на что не разменяешь—“.

Ребята несколько секунд обдумывают эту новую мудрость, а потом разражалются оглушительным хохотом.

Староста кричит, успакаивает, из себя выходит, а Козлов добродушно улыбаясь, говорит ему.

—„Ничего пусть посмеются, все равно последние дни“.

С. Миньнович.

А через три дня...

Третий звонок. Липка Аксенцов уже в вагоне. Он едет в Борисов.

Ночь. Все спят. Не спит только Липка.

Он ждет звонка, который по обыкновению раздается в 12 часов.

Нервно крутит он в руках часы—уже три, а звонка все нет.

— Ну и тренаж! Сволочь дежурный завтра же нужно дать три наряда.

— Звонка он все же не дождался и крепко заснул удовлетворившись гудками паровоза.

Не спокойно спит Липка, часто поворачивается с боку на бок. Вдруг ужас отразился на его лице.

— Был верно уже звонок, а я прослушал, мелкнуло у него в голове.

— Нехамка! Нехамка, вставай скорей. Сегодня будет „истрев“.

Аксенцов теребит невдалеке лежащую фигуру.

— Ну не капризничай ведь сама понимаешь, что комната предстаростата и предкомтренажа должна быть примерной.

— Донька, вся ответственность падает на старшего по комнате. Если Нехамка проспит, ты завтра же получаешь наряды.

Но кругом все незнакомые лица. Только теперь он вспоминает, что это не партшкола, а вагон.

Еще более мучительную ночь провел Сережка Соловьев. Он мучился над разрешением важной проблемы.

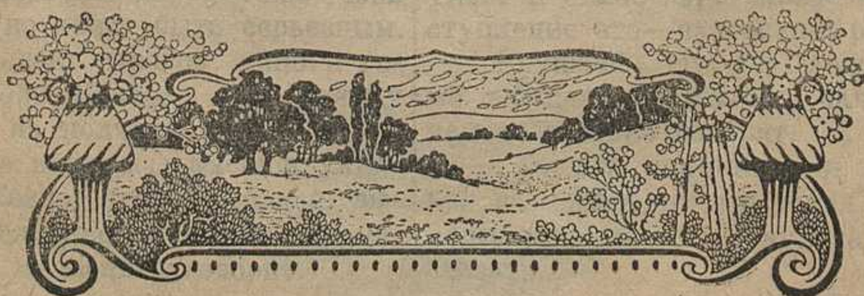
— Какая разница между диктатурой Аксенцова и Робеспьера.

— Ну начнем рассуждать говорит он себе в XIX в. была диктатура Робеспьера в XX в. ее заменила диктатура Аксенцова. Н—да. Но ведь по террору она не уступает своему предшественнику.

— Вчера мне даже дал два наряда.

— Какая же разница? Я положительно теряюсь в догадках

Хаимка Пинский всю ночь звал юнсекцию и ужасно злился, что она не собирается.



ИХ МЫ НЕ ЗАБУДЕМ.

Матвей Миронович Кривицкий,
Заведывающий учебной частью
Ц. П. Ш. Б.

т. И. Мостков.
Заведывающий Ц. П. Ш. Б.

Кого мы дали Армии и Флоту

Родился он в рабочем центре по производству кожевенных товаров—в Сморгони.

Детство свое Рувка провел по хедерам. По его стараниям и способностям ему предсказывали будущность раввина; но бедность семьи заставляет его пойти работать на кожевенный завод, где работали уже его братья. Тут то и началась его трудовая жизнь. Бегство от немецкой оккупации заставляет его исколесить все кожевенные заводы России: Богородск. Нижний. В Нижнем Новгороде в 1917 году он вступает в Югенд-Бунд; причины своего вступления он так

Рувка Меерович.

об'ясняет: „сказали мне, что будем бороться с хозяевами, вот я и записался“ Потом он перекочевывает в Бобруйск, тут вместе с Югенд-бундом он переходит вК. С. М. и по мобилизации отправляется на фронт. Раненный и больной Меерович демобилизуется, работает в разных совучреждениях, участвует в борьбе с бандитизмом и, наконец, в Ц. П. Ш. Б., а теперь Рувка Меерович—пулеметчик 10 имени «Германского Пролетариата» полка!

В 19 году Семка—уже комиссар Слуцкой Чека, а при Польской оккупации он—организатор партизанской организации численностью в несколько тысяч.

В апреле 20 года он попадается в руки „канарков“.

Деффензива чует в нем руководителя и несколько недель подряд истезает, чтоб выпытать тайны организации.

Но все дикие издевательства оказались напрасными. Весь в крови, по часам оставаясь без сознания Семка остался немым для „канарков“.

Семка Чиж.

Полтора года Семка провел в заточении.

И в 1921 году он по обмену возвращается в Россию, а еще через год попадает в нашу школу.

Семка достоин того, чтоб его в качестве подарка поднес комсомол боевому 10 имени Германского пролетариата полку.

Он уже доказал свою твердость, свою революционность и, если только нужно будет опять ее докажет.

Яшка Миримович.

Яшка Миримович с 17 года работает в Кр. Армии и в военных учреждениях до самой партшколы.

Он был душой революции и, сталкиваясь с действительностью, никогда не обращал внимания на формализм и иногда в интересах дела превышал власть. За это его исключили из партии.

В школе Яшка переменился. Когда он приехал, он не знал и таблицы умножения, а теперь успешно кончил арифметику и по всем остальным предметам много узнал.

А теперь Яшка опять в армии в 10 полку имени германского пролетариата.

Петька Радин.

Витька Прокопчик.

ЧТО ДАЛА ПАРТШКОЛА.

Р. Меерович.

Переродился.

Вступительные экзамены.

Тов. Кривицкий у меня мягко спрашивает:

— Товарищ,—что вы знаете?

— Я ничего не знаю!

— Как так не знаете?

— А газеты, вы читаете?

— Читаю!

— Скажите пожалуйста, какая разница между Правдой и Известиями?

Отвечаю на это, и говорю:—

— Я для того приехал в партшколу, чтоб получить знания.

— Спасибо, присядьте!

Экзамены окончились.

Распределили по группам.

Меня, к моему удивлению, определили в 1-ую группу.

Очутился я среди людей со средним образованием. А я ведь малограмотный!

Как же быть?

Но ничего, не унываю.

Начались групповые занятия по истнархозу.

Ну, думаю, пропащий человек!

А на мою голову сыплются сотни мудренных слов.

Биологические приспособлния.

Физиологические.

Археологические.

Географические. Тьфу, ты чорт!

Этнологические...

После занятий групповод спрашивает: „Ну что понятно все? А то можно конкретизировать".

А Двереле Рябова и говорит.

— Все, все понятно, товарищ Быховский. Можно даже и шире, и глубже.

Взорвало меня это. Я и обрушился на интеллигентов.

Занятия текли своим чередом. Я сильно работал и кое-как втянулся.

По приезде из отпуска мы приступили к истимату.

После первых двух-трех лекций я полюбил этот предмет и взялся за изучение его, как следует.

Тут-то и начинается чудесное превращение. Скоро я себя почувствовал на занятиях, как рыба в воде. Я не только перестал быть последним, но заметно подвинутая вперед.

Теперь я уже не удовлетворяюсь поверхноттным об'яснением, а требую „углубления и расширения".

Теперь уже не я, а на меня стали „нападать" за философствование.

Л. Вашкевич.

ОДНИМ СЛОВОМ—ОЧЕНЬ МНОГО.

Прибыл я в Партсовшколу. И первое что мне бросилось в глаза—это то что, все остальные товарищи подготовлены лучше меня

Когда производили зачеты, а также опрашивали кто какие школы окончил, то оказалось, что некоторые т. т. окончили гимназию, другие по 3—4 класса, а если не гимназии то высшее начальное училище.

Одним словом братва ученая.

А я как окончил народную школу лет одиннадцать тому назад, так с той поры даже книги в руках не держал. А в народной школе только богу молиться и научили.

Вось—думаю себе,—если срежусь на первых зачетах так и прогонят из школы. Хватит думаю и более подготовленных т. т. Куда тут мне соваться—неграмотному рабочему от станка.

Но все таки все обошлось благополучно.

Экзамены я выдержал и определили меня даже не в последнюю, а в 3 группу.

Но заниматься все же было очень трудно и после зачетов по истнархозу эвакуируюсь из третьей да в четвертую группу.

Ну—думаю—не усидеть мне в школе до конца курса, берут за бока и не смотрят на то, что я прибыл с фронта труда, где только стук машин да визг колес и движущих ремней ошеломляют голову. А после такого шума уши еще не приспособились воспринимать мудренные слова из лекции.

Но прошел целый год и я считаю себя счастливым, что провел его в школе.

Как ни трудно было в школе, но багаж приобрел довольно значительный. Главное: законы природы, диалектика, движение и деньги как средство обращения...

Одним словом могу с уверенностью сказать, что я от школы получил очень, очень много. Хотя теперь я всего и выразить не могу, но в дальнейшем на длинном пути предстоящей работы я все это применю.

А идеалистов, так наверное с ног сшибу своими уже крепкими материалистическим доводами.

Фита.

„Я стал новым человеком“.

Он как это принято говорить: потомственный почетный пролетарий.

Его отец рабочий и сам он до германской войны все время работает на Петроградских заводах.

Годы службы в царской армии, Февральская Революция и тов. Силевич Красногвардеец, а потом и солдат Красной Армии.

Еще ряд тяжелых кровавых лет. Чехословаки, Белая Польша, 6-ти месячный плен, работа в Чека и волна развертывающихся событий чудесным образом бросают тов. Силевича в Минск, в партшколу.

—„Трудно было заниматься“—разсказывает он.—„Очень трудно. Ведь впервые на 28 году жизни в партшколе я на класной скамейке сижу. Да и измучился сильно за годы войны, плен Чека....

Ну, да отдохнул маленько за работой. А учиться сильно хотелось.

Очень уж меня поражала вся эта новая, невиданная обстановка—говорит Силевич больно уж все тут демократично.

Никак я не мог отучиться, чтоб не вскакивать и не брать под козырек при входе лектора или заведующего.

А особенно трудно было с девушками. Ведь я их никогда не видел разве только, что в канцелярии.

А тут живешь бок о бок с коммунистками и они тебе-совершенные товарищи.

Я ближе как то людей почувствовал, открыл, что и курсанты, и лектора и курсантки все—простые, одинаковы все—товарищи, и настоящие.

— Ну, в партшколе я подковался на все четыре ноги“— шутит Силевич.

А после школы сам заниматься буду. Уже подбираю себе книги, буду работать и постараюсь попасть на вечерний рабфак Да куда мне сравнить себя с прежним Силевичем! Я совсем обновленным человеком стал!“

Р. Клебанова.

Никогда не забуду.

О громадных запасах политзнаний, которые мне дала партшкола, я уже не говорю.

Если до школы меня совершенно не притягивала к себе газета и я ее не понимала, то теперь я великолепно понимаю газету и не могу без нее обойтись.

Только в школе я поняла, что такое: бытие определяет сознание.

Но главное я хочу говорить о коммунистическом воспитании, данном мне школой.

До партшколы я даже представить себе не могла, что можно жить коллективом.

Когда я доставала что-нибудь вкусное, или вообще хорошее, я помню, я прятала, боясь, что товарищи у меня попросят.

Теперь я краснею при воспоминании об этом.

За время жизни в партшколе мы в своей комнате так перемешались бельем, платьями, обувью, что я и не знаю, как мы разберемся после школы.

Теперь ведь нам совершенно не нужно знать, где „мое" платье; что видишь то и надеваешь.

Еще интереснее, какое превращение произошло у меня во взаимоотношениях с парнями.

Я сделала открытие, что с парнями могут быть такие же дружеские и простые отношения, как и с девушками. Здесь я научилась видеть в людях прежде всего—товарища.

А вечера спайки! Ведь если бы мне кто нибудь до школы сказал о моих недостатках, я оскоробилась бы, увидела бы в этом желание меня обидеть.

А сама? разве я сказала бы так просто товарищу, что это не хорошо, что в том то ему надо подтянуться? Ни за что! А в школе мы научились без обиняков говорить друг другу, что думаешь.

Да разве можно об о всем рассказать, что дала партшкола?

Одно скажу я: партшкола сделала меня совсем другим человеком, я сама себя не узнаю.

А партшколу я буду помнить долго, долго, а может быть и никогда не забуду.

На 39 году прозрел.

Петрасюк.

В 12 лет я уже работал на „гуте" (так назывался у нас стекольный завод), где проработал 3 года. Затем я работал у подрядчика.

19-ти летним парнем отправляюсь в город. Поступил на завод.

В 1905 году наслышался много речей —стал больше понимать в нашем рабочем житье.

Отсидел я за это два года в тюрьме, и тогда же решил совсем покинуть Россию. Бежал сначала в Берлин, а оттуда в Америку, где проработал до 17 года.

После февраля вернулся в Россию.

В октябре вступаю в Красную Гвардию. Сражаюсь. Перехожу в Красную Армию.

Бывал на разных фронтах...

Но вот война окончена. Оглянулся я на свою жизнь, порассудил:

— Живу вот я уже тридцать восемь лет,—а что знаю, чему научился? Ничему —один ответ только и есть.

Темный я все еще.

„И вот иду я в Ц. П. Ш. Стал учиться.

Все светлее и светлее становится мне. Увидел я ясно тюрьму, в которой жил, увидел и понял пятый год, коммуну 71 года и даже узнал о революции 48 года.

А когда свет знанья взошел совсем высоко, то даже стали видны первобытные люди, жившие в пещерах.

Так я увидел все развитие человечества. И взоры мои даже ступают за грань последних дней и виднеется мне будущая коммунистическая жизнь.

Вот каким ухожу я из Партшколы.

Прожил 38 лет—и знал только, что за правду, за просвещенье в тюрьмах гноят, бьют грубые царские жардармы, вежливые джентлемены—полисмены (хотя джентлемены, а бьются не хуже наших русских); не понимал, что это на земле творится, не знал, что я человек.

А на 39-ый год советская власть меня просветила и показала, что и я человек.

А. Третьяк.

НА НОВОМ ПУТИ.

Я работал на стекольном заводе Старево.

Часто мечтал я о партийной школе, где мог бы получить марксистские знания.

И вот однажды получаем мы в ячейке известие, что можно послать одного человека в Ц. П. Ш.

Я, конечно,—к секретарю.

Послали.

В Минск приехал 23 января. В общежитии все на меня производило хорошее впечатление, ребята очень понравились. К тому же все ко мне относились по дружески.

Мне было трудно попасть в центральную школу, так как я был совсем не подготовлен. Но переходить в уездную мне не хотелось.

Я и сказал об этом товарищам по комнате. Сказал, что здесь я сумею получить больше знаний, которые мне очень нужны.

На первом же собрании ячейки комсомола тов. Аксенцов, живший со мной в комнате, поднял об этом вопрос. Ребята единогласно постановили просить школьный совет, чтобы меня оставили в Ц. П. Ш.

Так-то я и остался в школе и с жаром принялся за работу.

Товарищ Аксенцов был и тогда хорошо развит политически. Мы с ним вместе занимались и, благодаря его помощи, я все хорошо воспринимал.

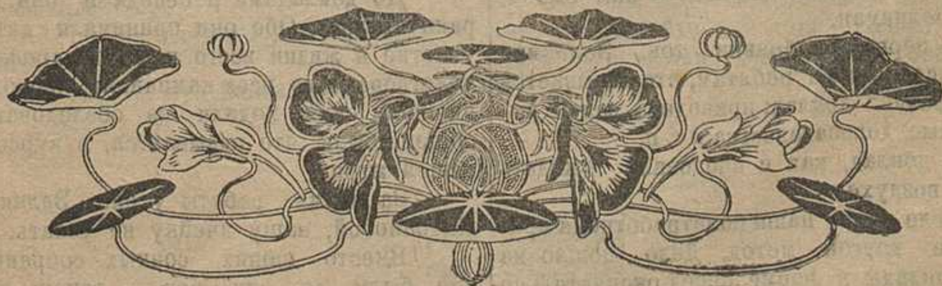
———

Весной стало еще лучше.

Устанешь, бывало, от занятий пойдешь в сад, покрутишься на турнике, отдохнешь на травке.

И вспоминаются тебе давно прошедшие дни, когда по садам гуляли только буржуазные сынки. А ты! За станком, в огне!

И от этих воспоминаний сжимаются кулаки и возвращаясь в комнату, еще с большим жаром хватаешь книгу и словно глотаешь слова Маркса.



ЧТО СДЕЛАЛИ ПАРТШКОЛЬЦЫ

На заводе Энергия.

М. Шендеров.

После работы—собрание. Ребята собрались все, ждем—а политработника все нет.

Оказалось, что наш политработник уехал и райком прислал к нам тов. Лифшица из партшколы сделать доклад.

Доклад о религии кончен. Оживленная беседа и—в результате—все довольны руководителем.

А через некоторое время распределяют партшкольцев по ячейкам. К нам прикрепляют. Лифшица и Рябову.

Мы очень довольны—ведь Лифшица уже знаем и знаем, как хорошего политработника. Первое заседание бюро с присутствием новых работников в читальне партшколы.—И пошла работа.

До тех пор никто из нас никогда не делал докладов, а теперь многие уже докладывали на собраниях ячейки.

Лифшиц и Рябова много работали с докладчиками, помогали им подготовиться, давали указания, как нужно делать доклад.

Устраивается „вечер спайки“, который проходит очень хорошо.

Кроме того они часто приходят на завод. Здесь не только каждый комсомолец за советом обращается к Лифшицу, но даже и взрослые рабочие.

Когда нужно кому сделать доклад—идет к Лифшицу и тот просидит с ним пару часов. Зато доклад получится отличный. Нужно сдать зачеты в профсоюзном кружке политграмоты—опять к Лифшицу.

Этим самым и отношение рабочих к ячейке значительно улучшается.

Работу тт. Лифшица и Рябовой нужно признать большой и вполне хорошей; недаром наша ячейка—кандидат на показательную.

У пищевиков.

Наша ячейка рабочая и малограмотная; приспособиться к работе в ней трудно поэтому у нас очень часто менялись политработники.

Но вот Райком послал к нам Клебанову и Зеликман.

На первом собрании тов. Зеликман преподнесла нашим ребятам, что называется „философский“ доклад: приводила самые высокоученые доказательства и т. п.

Но доклад, как и следовало ожидать повис в воздухе.

После этого наши политработники приняли уже другой метод. Дело пошло на лад и доклады в форме бесед окончательно утвердились в нашей ячейке.

Ребята зашевелились. Отвечают на вопросы, самы задают, даже активно участвуют в дискуссиях.

Зеликман и Клебанова никогда не переходили к другому вопросу, пока окончательно не убеждались, что предыдущее всем понятно.

Но докладами и беседами они не ограничивались. Обе они принимали активное участие в жизни всего нашего профсоюза, участвовали во всех кампаниях, проводимых ячейкой, сами ходили на обследования, в общем, были, что называется, в курсе всей нашей жизни.

За время работы у нас Зеликман и Клебановой, нашу ячейку не узнать.

Вместо наших сонных собраний какие были до сих пор — теперь живые, активные, настоящие комсомольские собрания.

Секретарь ячейки пищевиков

Айзенштат.

Ячейка окрепла и заработала.

Для того, чтобы оценить то, что сделали наши политработники за короткое время их работы, нужно знать каково было состояние ячейки до их прихода.

Ячейка работала очень слабо. Недисциплинированность, политнеграмотность процветали во всю. Не то стало, когда начали работать в нашей ячейке т.т. Меерович и Рапопорт.

Сразу, со свойственной партшкольцам энергией, взялись они за работу. Первым делом—они установили дисциплину. (А это у нас самое главное).

Вторым делом они взялись за политграмоту и в этом они достигли значительных успехов.

Вообще, за короткое время их работы они очень много дали нашей ячейке.

Если до их прихода наши комсомольцы были чуть ли не хуже других ребят, то теперь благодаря им, члены нашей ячейки являются самыми сознательными в школе.

За их 3-х месячную работу ячейка окрепла и, конечно, члены ячейки очень благодарны т.т. Меerовичу и Рапопорту.

Секретарь ячейки профшколы металлистов и деревообделочников.

Зак.

ТЕПЕРЬ ВСЕ ИДУТ НАМ НАВСТРЕЧУ.

В нашей ячейке работала Вера Хорунжая.

И за свое пребывание у нас она очень много сделала.

Кроме ячейки она организовала у нас и полит-школу, в которой занимаются почти все наши ребята.

До прихода Веры наша администрация не считалась с нашей ячейкой и не признавала ее.

А теперь все идут нам навстречу, заботятся о нас.

Я уверен, что наша ячейка была бы одной из показательных в смысле коммунистического воспитания, если бы Вера после партшколы пошла к нам в „Дом Юношества“ работать.

Партшкола действительно дает борцов на идеологическом фронте это мы видим хотя бы из того, что сделала партшколка Вера у нас.

Каждый рабочий подросток скажет:
Мы ждем комсомольцев из партшколы.
Давайте нам таких ребят.!

Секретарь ячейки Дома Юношества
Козлович.

Сняты артелью художников и фотографов № 1.

Меерович.

Был в Бобруйском комсомоле рыжий. Как и все рыжие, был он парнем грубоватым, нахалистым, самоуверенным.

Попадает наш рыжий парень в партшколу. Здесь его рабочий стаж и Сморгонское происхождение приобрели еще большее значение.

Попав в 1-ую группу, он сажает в калошу всех первогруппских интеллигентов и жестоко борется против философии и иностранных терминов.

Но тут совершается чудо.

Все реже и реже чувствуем мы в рыжем парне истинного представителя рабочего класса. Он сближается с „волосатым философом", и постепенно превращается тоже в философа чистой марки.

Теперь уже он говорит так, что без переводчика понять трудновато.

Порываются старые знакомства, завязываются новые. Начинает практиковаться посещение профессоров и групповодов на дому.

Собирается библиотека, причем самыми ценными книгами считаются такие, что потолще и позамысловатее по названию.

Все книги заносятся в каталог, где вы должны расписаться в случае, если берете книгу сроком по такое то число.

Но самое важное это то, что забыто совсем рабочее происхождение, забыты Сморгонские кожевенные заводы.

Напрасно „Звезда" уверяет, что чудес нет.

Вот какое чудо совершилось.

На факте с Мееровичем (думаю, вы уже узнали его в рыжем парне) я убедился в противном.

Блинков.

Имен у него много:

Полковник, Аристотель, Стиннес, Феодал, царский портрет и т. д. и т. п. А в крайнем случае его можно назвать Донькой Блинковым.

По происхождению он является помесью бегемота и буйвола. В правильности этого можно убедиться, взглянув на об'ем того пространства, которое он занимает во вселенной.

Появился он на общественной арене благодаря своему идейному руководителю и патрону Ак-ову.

Начинает он свою карьеру секретарем ячейки КСМ при Ц. П. Ш. Б. и достиг высот Ляховского райкома с многочисленными его разветвлениями ввиде хотябы шефской комиссии.

Но зато в личной жизни он большой неудачник.

У всех еще свежо в памяти печальные воспоминания о тех днях в 11-й комнате, когда там просиживал долгие, тяжелые и горькие часы и минуты наш член Райкома.

Только один лишь Райком спас его от верной гибели.

В настояще-же время он страшно занят анти-нарядной кампанией.

Ему предстоит отбояриться от десятка по ученных за последние 2 недели нарядов.

Отчасти ведет также кампанию и против Пред'старостата. Для этой цели он пускает в ход все имеющиеся в его распоряжении средства.

Будущее улыбается Блинкову самыми радужными перспективами. Ему предстоит большое повышение по общественной лестнице, вплоть до секретаря Угоркома города Игумена с его обширными окрестностями.

Любители искусства.

Увидеть их не трудно.

Если только афиша гласит о каком нибудь театральном представлении,—идите к указанному клубу и будьте уверены, что вы их увидите у двери, с молитвенным видом сложивших руки и умоляющих контролера впустить их.

Судьба их не балует.

Никогда, никогда им не удается беспрепятственно проникнуть в зрительный зал.

Долго они просят, умоляют, убеждают милиционера в том, что от этого революция не пострадает и т. п. и т. п.

А терпение и поток красноречи я у них не иссякаемы.

И измученный, из себя выходящий, контролер их впускает.

Нередки случаи, когда они применяют и другие методы.—Это вход по фальшивым, по чужим билетам, через черный ход и в этом роде.

В общем, так или иначе, но хотя бы к концу представления, они—в зале.

И чтож: вы думаете, что достигнутое таким тяжелым трудом удовольствие заставляет их умиляться, и восторгаться?—Ничего подобного! Они слишком много видели и слышали.

Очутившись каким-то образом, неизменно в первых рядах, они сидят с скучающими лицами, с презрительной усмешкой.

— „Ничего особенного"—заявляет тоном глубокого ценителя Эфиопка, (Вы конечно сразу догадались, что это—она).

— А я думала—гораздо лучше! — не стоило так добиваться!...

И все-таки на завтра в надлежащее время они уже стоят на своем посту.

Особенно страдает от их „любви к искусству" администрация клуба Карла Маркса.

Тут они уже не просят, а настаивают, требуют.

—„Как,—кричат они, и нас, партшкольцев, учеников и последователей Карла Маркса вы не впускаете в клуб его имени?"

—Да это черт знает что такое, мы не знаем как это назвать.

И особенно, если это новичек,—опешивший милиционер раскрывает перед ними дверь.

Наркомшвиц.

Нос длинный, горбатый. Волосы еще длиннее, а зовут его Лификом. Титул—первый почетный швицер Ц. П. Ш. и ее окрестностей.

В общественной жизни—старый „ветеран" культурного движения.

Боевое крещение он получил на „еврейской улице." Там в детстве его тузили хедеровские мальчишки.

Там же потом избивали, как сиониста—бундовцы. И от всей прошлой деятельности у Лифика осталось богатое наследство: это два анекдота о еврее, едущем в поезде.

А для того, чтоб эти анекдоты лучше запечатлелись в умах слушателей, он повторяет их до одурения.

Любит приветствовать. Особенно уезжающих лекторов.

Иногда выступает с сольными номерами пения.

Однако его голос принадлежит к числу тех, от которых встают дыбом волосы.

В своих любовных похождениях он счастливее Блинкова, Богина и подобных.

Рудерман.

КАК Я ВЫПИСАЛ ЗВЕЗДУ ЧЕРЕЗ КУЛЬТКОМИССИЮ

20 января. Дал деньги тов. Казаковичу для выписки одного (1) экземпляра „Звезды"

25 января. Узнал от т. Казаковича, что деньги переданы члену культкомиссии Ц. П. Ш. т. Розенблюму и газету мне выпишут с коллективом школы.

30 января. Розенблюм сказал: „Деньги получены, газета пойдет с первого".

3 февраля. Не получив газеты, обращаюсь к Розенблюму.

Ответ:—„По ошибке выписали на адрес У. П. Ш. Улажу".

7 февраля. Культкомиссия не может исправить ошибки из-за отсутствия денег.

8 февраля. Вношу авансом деньги за март, с тем, чтобы пока выписали за февраль.

10 февраля. Мне заявляют, что теперь уже, кажется,—новая культкомиссия, куда мне и подлежит направиться.

14 февраля. Не получая газеты, прихожу к Вайнштейну. Тот и ни черта не знает. Иду к Розенблюму.

18 февраля. Ничего не добился.

Зато узнал, что в состав комиссии входит и Плостак.

20 февраля. Потерял надежду получить газету в феврале. Внес дополнительную сумму для выписки газеты на март.

25 февраля. Услышал от т. Плостак уверения в том, что с 1 марта непременно буду получать газету.

1 марта. Узнал, что газету не выписали потому, что я не оставил членской карточки профсоюза. Немедленно вручаю т. Плостак таковую.

2 марта. Получаю обратно деньги, профсоюзную карточку и свой адрес, т. к. Плостак не знает, удастся ли выписать газету.

3 марта. Прихожу в Трестпечать и выписываю для себя газету.

4 марта. Получил первый № „Звезды Ура! Да здравствуют старая и новая культкомиссии.

ПОЖЕЛАНИЯ.

А.

Аксенцову.—Стать дипломатом без кавычек.

Антоновичу—см. „Лазарчик"

Аточкину—Быть красным директором лучного пункта племенных свиней Йоркширской породы.

Б.

Блинкову.—Установить правильное отношение между слишком подвижным языком и бегемотским телом.

Будущим курсантам—приобрести еще пару шефов.

Ботвинник—Доразвиться до инфузории.

Брум.—Стать ассистентом профессора С. З. Каценбогена.

В.

Вайнштейну.—Организовать политико-дипломатический корпус во главе с Аксенцовым (см. „Аксенцов") или же стать ректором Ком. Университета Белоруссии, или же починить свою порванную шапку.

Г.

Голодко.—Организовать под Земельный отдел СССР.

Ж.

Журку—конечно,тоже, что и Лазарчику

З.

Завилевич и *Каган*—Из театральных зайцев не превратиться в биржевых.

К.

Кизилло.—Закончить XVI том своего труда: „Влияние конкурренции на кислые щи".

Клебановой—Найти подходящего ветеринара, который бы вылечил уши.

Козлову.—Стать настоящим иммажинистом без штанов на крыше.

Л.

Лифшицу.—Выучить пару новых анекдотов из вагонных приключений.

Лазарчику— см. „Третьяк"

М.

Меерович.—Остерегайся, чтоб на политчасе не поставить диалектику с ног на голову.

Миниович—Переселиться в рай и запеть там райской птичкой.

Миримовичу.—В Америке организовать полк имени игуменского (не смешивать с германским) пролетариата.

Н.

Немецу.—Чтоб не вытекло скандала, а то будет неудобно перед Плостак.

Нейдлину—Стать если не и бал-а-босом, (не смешивай с «балбесом») то во всяком случае „бал-а-батишер кинд".

О.

Овсянкину—Открыть новые области (кроме „Капиталины"), из которых можно было бы исходить.

П.

Павловскому.—И в области электротехники, и в области матерщины стать достойным своего вдохновителя Петьки.

Петрасюку.—К 2904 году (парт стаж—1.000 лет) стать предсовнаркома С-А. Соединенных Штатов. Это, брат, труднее чем мышей ловить.

Плостак— Читая курс лекций по истории греческой культуры, иллюстрировать собою богиню красоты (Венеру)

Прокопчику.—Не погубить лекторский талант и в армии, для чего упражняться хоть на похоронах.

Р.

Раппопорту.—Вместо попов и раввинов приступить к изображению рафаэлевской розы из трех колеров.

С.

Силевичу.—Во всем придерживаться своего старого метода «убеждение—принуждение.»

Сидоренко.—Брось, братец, мечтать о Наполеоне—удовлетворись женским батальоном.

Т.

Табайнику.— Вырастить ноделевскую бородку и давать политическую линию парикмахерскому профдвижению.

Третьяку.—Жить всегда в таком городе, где есть УПШ.

Редактор: Редакционная Коллегия. Издатель: Культкомиссия Ц. П. Ш. Б.

Содержание.

VI. В группах и секциях.

VII. С кем мы прощаемся.

VIII. Что дала Партшкола.

XI. Что сделали Партшкольцы.

X. Портреты.

XI. Мельком.

Главлитбел № 838 (600 экз.) Зак. № 1752. 2 сов. тип.

Издание
газеты „Красная Смена"
совместно
с Культкомиссией Ц.П.Ш.Бел.